

ИЗГНАННИЦА МУИРВУДА

ДЖЕФФ УИЛЕР

Клятва Муирвуда

Джефф Уилер

Изгнанница Муирвуда

«Карьера Пресс»

2015

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 44

Уилер Д.

Изгнанница Муирвуда / Д. Уилер — «Карьера Пресс»,
2015 — (Клятва Муирвуда)

ISBN 978-5-00074-258-7

Сага-фэнтези о 18-летней Майе, изгнанной принцессе Комороса. Когда в стране, которой правит ее отец, воцарился хаос, Майя решается на рискованный квест, чтобы спасти страну. Пытаясь выжить, она вынуждена прибегать к магии, которой обучилась тайно, ведь женщинам запрещено владеть магией. Буквально за каждым углом ее поджидают враги, но Майя начинает осознавать, что зло рыскает и внутри нее. Магическая сила Майи начинает играть с ней злые шутки: от Майи ускользает контроль над собственным сознанием, размываются ориентиры – что есть правда, что ложь. Сможет ли она освободиться и спасти свое королевство, которому предана до глубины души, несмотря на то, что королевство ее отвергло? Джефф Уилер работал в Intel. Но литература взяла верх. Его романы стали бестселлерами. И это первое издание книг Джеффа Уилера на русском языке.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 44

ISBN 978-5-00074-258-7

© Уилер Д., 2015

© Карьера Пресс, 2015

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	29
Глава шестая	35
Глава седьмая	40
Глава восьмая	46
Глава девятая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джефф Уилер
Изгнанница Муирвуда
Клятва Муирвуда

The Banished of Muirwood

The Covenant of Muirwood. Book One Jeff Wheeler

Перевод с английского – Ирина Ющенко

Text Copyright © 2015 Jeff Wheeler

© 2019, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

All right reserved This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

* * *

Тому, Джордану, Дейлу и Стиву
(а также Мэдж)

Задолго до того, как мы с твоим прадедом взошли на «Хальк» и оставили старые берега... До того, как Скверна пожрала все живое, пощадив лишь одну-единственную душу... До того, как киль нашего судна взрезал неизведанные воды и лег на песок... До того, как нога человека коснулась этой земли... Задолго до того, о правнучка, я принесла Клятву. Я поклялась Альдермастону в том, что потомки мои вернуться на старые земли и восстановят из руин аббатство Муирвуд. Я поклялась, что Сокровенная Завеса откроется вновь и что душа Альдермастона обретет покой в Идумее. Когда Сокровенная Завеса закрылась, аббатства утратили связь друг с другом и мертвые остались прикованы к сему миру, не в силах вернуться в свое законное пристанище. Однако видения пришли ко мне уже после Клятвы. Видения открыли мне, что иной народ пожелает назвать нашу землю своей прежде, чем туда вернуться наши потомки. Многое предстоит мне тебе поведать, но Клятва должна быть исполнена, иначе мир наш не устоит. Долг исполнить ее я возлагаю на тебя.

Лийя Демонт, Альдермастон аббатства Муирвуд

Глава первая

Кистрель

Устроившись на широком подоконнике, Майя смотрела, как глаза канцлера Валравена наливались серебром. Блаженно вытянув длинные ноги, канцлер отдыхал на жесткой деревянной скамье у стены. Черная ряса дохту-мондаров скрадывала очертания старческого тела, однако коричневые кожаные башмаки поверх темных шоссос смотрелись рядом с ней в высшей степени неуместно. На коленях у старика покоился открытый золотистый том, и одна рука похлопывала по блистающему орихалку страниц, в то время как другая покоилась на груди, под висевшим на цепочке кистрелем. Тонкие седые волосы были взлохмачены, подбородок обрамляла узкая ухоженная борода.

Канцлер взывал к магии кистреля. Шепот Истока зашелестел в комнате, наполнил собой башню. По телу Майи прошла волна дрожи, сочетавшая в себе жгучий восторг пополам со страхом. Она знала это ощущение: оно приходило всякий раз, стоило лишь ей взглянуть в сияющие глаза канцлера в тот миг, когда он взывал к кистрелю. Взгляд канцлера был прикован к полукруглому алькову башни. Там в беспорядке громоздились книги в кожаных переплетах – целые стопы книг, тома, сундуки, урны полностью занимали все пространство. Окно в башне было всего одно, то самое, у которого сидела Майя, и тусклый луч солнца согревал детские плечи, покауда девочка увлеченно следила за происходящим.

Майе было девять лет. Она была принцессой Комороса и единственным чадом царственной четы. В день имянаречения ее нарекли Марсианой – в честь кого-то из предков Семейства, – однако отец стал называть ее Майей, да так с тех пор и повелось.

В лестничном колодце послышался дробный топоток. Майя невольно вздрогнула, и хоть от долгого сидения на пятках ноги у нее кололо как иголками, менять позу она ни за что не желала. Первый призванный магией кистреля пришелец появился из-за истертой старой книги. Можно было не сомневаться, что черные глазки-бусинки и подрагивающие усы принадлежат самой обыкновенной мыши. За первой мышью пришла вторая, за второй – третья.

Канцлер Валравен сидел совершенно спокойно, рассеянно похлопывая по лежащей на коленях книге. Мыши тем временем спустились на пол и с шорохом и писком потекли к канцлеру, жадно нюхая воздух, словно бы перед ними был не старик в рясе, а самое что ни на есть соблазнительное угощение. Вскоре весь пол представлял собой сплошную мохнатую серую массу с подрагивающими розовыми ушами. Сила, пронизывающая воздух, сгустилась и стала почти осязаема. Усталый, но твердый серебристый взгляд канцлера устремился в дверной проем. Канцлер пошевелился, и деревянная скамья под ним скрипнула.

– Ты чувствуешь присутствие Истока, Майя? – негромко спросил он. – Чувствуешь, как его сила держит мышей в повиновении?

– Да, – сдавленно прошептала Майя, чувствуя, как встают дыбом волоски на загривке. В глубине души она боялась, что какая-нибудь мышь прыгнет на подоконник, однако помнила, что во избежание такого исхода страх надо держать в узде. И сидела, неподвижная, как камень, не сводя глаз с мышиного ковра, покрывавшего пол.

– Мыши обречены повиноваться приказам кистреля. Они не в силах противиться. Кистрель влечет их к себе. Он завладевает их разумом, оставляя лишь чувства. Если бы ты

открыла окно, я мог бы наполнить мышей страхом и заставить их броситься вниз, на верную смерть. И они бы послушались, Майя. Они пошли бы на смерть.

– Вот бы Кара Кухарка обрадовалась, – блеснула глазами Майя, но при взгляде на колышущуюся все растущую массу вновь содрогнулась от отвращения. Откуда-то вылезла пара крыс, с длинными усами и острыми, словно зубья пилы, передними зубами.

Наполнявшая комнату сила стала спадать, будто вода, утекающая в пробитую дыру. Мощь Истока слабела, и вместе с ней слабело заклятье. Мыши и крысы брызнули в разные стороны, заметались и бросились вниз по лестнице, катясь и накрывая друг друга, как волны в пруду. Две-три мышки попытались запрыгнуть к Майе на колени; девочка вздрогнула и носком туфли спихнула их на пол, к товаркам.

Пытаясь успокоиться, Майя схватилась сперва за сердце, затем – за плотно охватившее шею ожерелье с самоцветами. Она глотала ртом воздух и ждала, когда же ее отпустит.

– Только тот, кто властен над своими мыслями и чувствами, может прибегнуть к силе Истока, – сказал канцлер и покачал головой. – Ты пока еще не готова, Майя.

Она ощутила укол разочарования, но постаралась не выдать себя.

– Ну почему?

Канцлер с хрустом поскреб аккуратно подстриженные усы.

– Ты еще очень юна, Майя. Чувства еще долго будут рвать тебя на части. погоди, вот исполнится тебе... ну, скажем, лет тринадцать... О, тогда чувства накроют тебя с головой! Нет, конечно же, я позволю тебе читать старинные книги, хоть это и запрещено, но кистрель я тебе еще долго не доверю. Старый орден Дохту-Мондар распался потому, что неразумно пользовался силой кистреля. Но из мастонских книг мы узнали, как правильно использовать силу Истока, и следим теперь за тем, чтобы кистрелями владели лишь те, кто не оскорбит ее вольно или невольно. Ты, моя дорогая, пока не готова.

Майя тяжело вздохнула. Ей так хотелось получить кистрель! Она изо всех сил старалась показать, что достойна его. Многие мастонские семьи сохранили способность взывать к Истоку через яр-камни, однако по каким-то загадочным причинам столетие за столетием эта способность ослабевала. Единственным средством обретения истинной силы Истока стали кистрели, ну, а кистрелями пользовались только в ордене Дохту-Мондар. Впрочем, несмотря на все разочарование, Майя ценила свое положение и дорожила доверенным ей секретом.

Ни одну девчонку всех семи земель не допустили бы к тайному искусству чтения и гравирования. Оно было доступно лишь избранным – мальчикам и мужчинам. Что-то такое произошло в давние времена, что-то связанное со Скверной, пожравшей многих и многих, после чего женщинам больше не позволялось прибегать к Истоку, читать древние тома и уж тем более владеть кистрелями. Некоторые женщины из хороших семей были достаточно сильны, чтобы подчинить себе яр-камень. Это дозволялось. Таким женщинам разрешали стать мастонами. Учились женщины и в аббатствах, изучали языки, ремесла, музыку – но и только. Майя была единственным исключением, и то потому лишь, что отцом ее был король, а короли сами устанавливают правила.

Майя припомнила, как сказать на языке Прай-Ри «терпение», и произнесла слово вслух.

Валравен снова поскреб бороду.

– Должно быть, ты унаследовала от предков дар чужеречия, дитя. Сколько языков ты уже знаешь?

– Дагомейский, немного пайзенийский, ну и наш, конечно, – ответила Майя, выпрямила спину и гордо улыбнулась. – И на всех них я говорю и пишу. Вот бы еще выучить язык Прай-Ри, там ведь родилась матушка. Или нессийский. А какой лучше?

– Дитя, тебе ведь всего девять лет. Боюсь, наш несьец совсем тебя замучил учебой. Все-то ты руны зубришь... – он постучал пальцем по изящному золотистому тому книги у себя на

коленях. – Смотри только, не проговорись, что умеешь читать. Если в братстве Дохту-Мондар узнают наш секрет, меня казнят.

Майя покрутила темный локон и укоризненно поглядела на канцлера.

– Я вас никогда не выдам, – твердо сказала она.

Канцлер улыбнулся.

– Знаю, дитя, знаю. Это все Исток, он заставляет меня думать об этом. Ты рождена для великих дел. Очень может быть, что однажды ты станешь королевой Комороса.

На мгновение Майе стало страшно.

– А как же мама? Вы ведь не думаете, что в ее ребеночке есть зло, правда, лорд канцлер?

Валравен провел рукой по курчавым седым волосам.

– Я никогда не лгал тебе, Майя. Ты – первенец царственной четы, но ты – девочка. Закон и обычай гласят, что, даже если наследников мужского пола у твоего отца не будет, править страной ты не сможешь. А после тебя твоя мать трижды рождала мертвых детей.

Майя вновь содрогнулась, чувство вины перехватило ей горло, едва не задушив. И все-таки она не заплакала. Однажды ее отец похвалился перед послами из Пайзены, что его дочь никогда не плачет.

– Это из-за меня? – спокойным голосом, серьезно спросила она.

– Кто может знать наверняка? Должно быть, такова была воля Истока. Что ж, будем ждать известий.

Он взмахнул рукой, указывая на заваленный пергаментными свитками стол.

– Видишь, сколько писем? Кому требуется ответ, кому – указания, кто-то просто желает удовлетворить собственное любопытство. Все короли окрестных стран жаждут знать, какого пола ребенок и родится ли он живым. А вон та груда бумаг на краю стола – это от короля Прай-Ри. Если родится мальчик, король желает женить его на своей дочери и подкрепляет это желание изрядной суммой денег. А ведь у короля Дагомеи тоже есть дочери, правда, уже взрослые, но и он предложит твоему отцу брачный союз с юным принцем и бочонок золота в придачу. Как в свое время предложил то же самое для тебя, – на лице канцлера играла мудрая улыбка. – Я охотно верю в то, что он так и не простил нам всего того, что было в прошлом, однако он достаточно умен и понимает все выгоды союза с более сильным соседом.

Майя знала, как устраивали ее собственный брак, и воспоминание об этом заставило ее печально улыбнуться. Когда ей было два года, король Дагомеи произвел на свет наследника и весьма скоро после этого заключил союз с Коморосом. Залогом прочности союза стала помолвка его сына с Майей. Впрочем, несколько лет спустя помолвка была разорвана, ибо торговое соглашение между Дагомеей и Пайзеной долго не протянуло, и конфликт вылился в ожесточенную войну.

Майя всегда знала, что ее брак будет делом чистой политики. В свои девять лет она уже не питала никаких иллюзий на сей счет. Однако она верила канцлеру Валравену, знала, что он умен и проницателен... и что он привязан к ней. Валравен был доверенным советником отца, личным наставником Майи, а кроме того, положение его в ордене Дохту-Мондар было столь высоким, что канцлер имел власть даже за пределами королевства.

По затекшим ногам разливалась ноющая боль. Майя разгладила подол платья.

– А вы уже придумали, за кого я... выйду замуж? – спросила она, стараясь не выдать того смятения, которое охватывало ее всякий раз при мысли об этом.

– Хм-м-м?

Канцлер склонил голову и прислушался, повернувшись ухом к открытой двери.

– Наверное, уже идут какие-нибудь переговоры о... о моем браке?

– В данный момент – нет, – ответил Валравен. – Ты у нас девица красивая, пусть и застенчивая. В желающих предложить тебе руку и сердце недостатка никогда не будет. Однако с политической точки зрения было бы необдуманно заключать какие бы то ни было договоренности

прежде, чем мы будем знать точно, произведет ли твоя мать на свет наследника. Как советник твоего отца, я вынужден вести судно туда, куда дует ветер, а не требовать от ветра, чтобы он дул, куда я пожелаю. Если я буду достаточно ловок, однажды ты станешь первой властительницей этих земель. И нам надо будет очень осмотрительно подбирать консорта, понимаешь?

С лестницы послышались шаркающие шаги. Канцлер Валравен встал, сдвинул груды пергаментов и положил книгу на стол. Колыхнув подолом рясы, он повернулся к окну и стал смотреть на простирившиеся внизу черепичные крыши с торчащими тут и там трубами. Небо над крышами наливалось сажистой чернотой.

На пороге показался Кэрю, королевский рыцарь. Лицо его блестело от пота, взгляд был напряжен, и Майе хватило одного взгляда, чтобы понять, что ребенок погиб. Внутри у нее все сжалось, сердце заныло от боли. Она так мечтала, чтобы у нее был брат или сестра! Пусть бы даже это значило, что ей не бывать королевой Комороса. Она любила играть с другими детьми и в товарищах по играм недостатка не имела, но все прочие дети, разумеется, были ниже по происхождению. Майя знала, что им велено во всем с ней соглашаться, уступать победу в любой игре, подчиняться любым ее капризам и исполнять все желания.

Противно!

Майя полагала, что стала принцессой по воле слепого случая, и относилась к окружающим как к равным, если только они не демонстрировали обратного. По природе склонная к соревнованию, Майя мечтала побеждать собственными силами, а не принимать победу даром. В результате среди ровесников друзей у нее почти не было, и дружила она по большей части с теми, кто был старше и мудрее – например, с канцлером.

– Ребенок... родился мертвым, – задыхаясь, выдавил из себя Кэрю и уронил голову. – Мальчик. Прошу вас, спуститесь и утешьте короля. Он сам не свой от горя.

– Разумеется, – скорбно ответил Валравен. Собираясь с силами для предстоящего, он бросил последний взгляд в окно. Майя заметила, как он стиснул челюсти, как хрустнул пальцами, но уже в следующее мгновение он глубоко вздохнул и повернулся к рыцарю.

– Идем, Майя.

Неожиданное это приглашение и напугало девочку, и польстило ей. Она сползла с подоконника, и по ногам кинжалом ударила боль. Украдкой растирая лодыжки, Майя захромала вниз по ступеням. Канцлер шел впереди.

В сердце девочки боролись противоречивые чувства. Братик умер. А может, и не жил вовсе, хотя, правда, кладя руку маме на живот, Майя порой ощущала движения ребенка. Нахлынули воспоминания, соблюдать приличествующую случаю сдержанность становилось все тяжелее. Прошлые матушкины трагические беременности остались далеко в прошлом, когда Майя была еще слишком мала и беспечна. На сей раз удар вынести было тяжелее, однако она должна быть сильной – ради отца с матерью. А в самом дальнем, крошечном, постыдном уголке души у нее таилось нетерпение. Весь последний год канцлер готовил девочку в наследство отцу, однако когда мать понесла, Валравен стал уделять обучению меньше внимания. Быть может, теперь она, Майя, получит возможность править страной самостоятельно, а не через какого-то там мужа? Мысль о королевской короне была сладка, слаще медового печенья, и в этот скорбный миг выглядела гадко. «Наверное, я очень плохая, раз сейчас об этом думаю», – сказала себе Майя.

Достигнув главного коридора, они пошли быстрее. Весть об исходе родов расходилась по замку, порождая стоны и завывания. Скорь королевской четы никого не оставляла равнодушной. В груди у Майи стало тесно. Девочка сжалась и постаралась держаться поближе к канцлеру. Они достигли другой башни и стали подниматься по ступеням. Один за другим загорались яр-камни, освещая их путь холодным бездымным светом. Лестница делала виток за витком, и вот наконец послышались голоса. Статный рыцарь покачал головой и сказал, что

не смеет входить. По лицу его текли слезы. Но Майя не плакала. Канцлер обошел рыцаря, и Майя сделала то же самое.

Достигнув верхней площадки лестницы, Майя расслышала голос отца. Хриплый, яростный, он был исполнен страдания.

– И зачем я только взял тебя в жены!

Осознав услышанное, Майя пришла в ужас. Отец никогда не говорил ничего подобного. Майя буквально онемела.

Канцлер остановился у двери. Глаза его сузились от ярости, но лицо было обманчиво спокойным, а худая фигура излучала решимость. Канцлер протянул руку и удержал Майю, не позволив ей войти в комнату.

Майя слышала плач матери.

– Прости меня, муж мой. Прости! Я... молю... прости меня... Мое дитя! О, сын мой! – И она снова глухо зарыдала, перемежая рыдания сдавленными всхлипами.

– Сколько боли я тебе причинил! – со стоном произнес отец. – Лучше бы мы никогда... – голос его исказился, и король яростно откашлялся. – Отчего Исток нас подвел... в который раз? Я владел своими мыслями. А ты – своими. Нас учили, что все начинается с мысли. А бдения, которые мы совершили, дабы упрочить связь с Истоком... весь город совершил бдение! – голос его зарокотал как гром. – Отчего же Исток опять посмеялся над нами? Во имя Идумеи, чего еще он от нас хочет?

– Нет... нет... это не... Исток не... не повинен ни в чем, о муж мой, – с трудом выговорила мать.

Майе стало страшно. Захотелось съежиться, спрятаться, стать совсем маленькой. Родители, рядом с которыми всегда было так хорошо и спокойно, – эти самые родители ныне пребывали в отчаянии и бессилии. Это было ужасно.

– Я-то полагал, – с горькой язвительностью произнес отец, – что, если мы будем повиноваться воле Истока, наш род продлится. Но это уже в четвертый раз! Это знак: наш брак проклят.

– Нет! – умоляюще вскричала мать. – Ведь мы оба ощутили одно и то же, Браннон. Мы чувствовали, что Исток благословил наш брак. Это испытание. Испытание нашей... нашей веры.

– Очередное испытание? – прошипел отец. – А потом что? Опять испытание? А если это все – ошибка? Что, если нам вовсе не следовало вступать в брак? Но мы совершили ошибку и теперь расплачиваемся за это.

– Обними меня, муж мой. Прошу тебя, обними. Я не могу этого слышать...

После этого слов было уже не разобрать. Рука канцлера Валравена крепко, до боли стиснула плечо Майи. Девочка посмотрела в наливающиеся серебром глаза. Царившие в комнате гнев и боль таяли, утекали в кистрель, висевший на шее канцлера. Лицо Валравена исказилось болью, пальцы впились в плечо девочке так сильно, что она едва не вскрикнула, но закусил губу и промолчала, видя, какое облегчение магия приносит ее родителям.

Валравен осушал их страдание и выпивал их боль. Из-под пышного воротника виднелся изгиб причудливой, похожей на змею татуировки, которая обвивала шею канцлера. Он говорил Майе о том, что странные несмыаемые узоры на коже – расплата за обращение к кистрелю. Последствия магии, которые ложатся на всякого к ней прибегнувшего. Как-то раз канцлер даже показал Майе собственную татуировку, извивистую темную отметину, уходившую куда-то в гущу седых волос.

В комнате больше не кричали и не рыдали. Глаза канцлера наполнились слезами. Он провел по глазам тыльной стороной ладони и разжал пальцы, что стиснули плечо Майи. Потом будут синяки, подумала девочка.

Валравен прожег ее взглядом.

– Никому и никогда не говори о том, что ты сейчас услышала, – шепотом приказал он. – Горе не любит посторонних ушей. Когда супруги переживают столь тяжелый удар судьбы, они могут говорить вещи, о которых позже пожалеют. Я помог им и забрал самое горькое. Запомни этот урок, дитя. Кистрель может облегчить даже самое тяжкое горе. Главное – уметь управлять своими чувствами.

– Я научусь, – твердо пообещала Майя.

И они вошли в комнату, где висел не успевший еще развеяться тошнотворный запах крови.

Глава вторая

Корриво

Грубая рука тряхнула Майю за плечо, вырывая ее из сна. Майя заморгала, не в силах разом стряхнуть туман сновидений. Слуха ее достиг комариный звон, и девушка потрясла головой, пытаясь понять, где она. Густой непроходимый лес вздымался вокруг, и деревья трогали отсыревшими от росы лапами ее изорванную рубаху и изношенный плащ. Поморщившись от боли в ранах и синяках, Майя села и еще раз попыталась вспомнить, как она сюда попала.

Она еще несколько мгновений шарилась в памяти, но вот наконец хлынули воспоминания – такие, что Майя уже почти жалела об их возвращении. Это – проклятые леса южной Дагомеи. Отчаявшись отыскать средство от всех тех бед, которые обрушились на Коморос после изгнания дохту-мондарцев, король дал дочери кишона – наемного убийцу, нескольких солдат в качестве охраны и отправил на поиски утраченного аббатства, в котором хранились секреты ордена. Путь к аббатству был усеян опасностями, отцовских солдат разогнало и растерзало страшное чудовище, и в живых остались только Майя и кишон. Аббатство они нашли, но, войдя в него и окунувшись в его тайны, Майя поняла, что до конца путешествия еще далеко.

Все было как в кошмаре. Все было наяву.

– У вас отсутствующий взгляд, леди Майя, – сказал кишон и присел перед ней на корточки. По его щекам тек пот, жесткие волосы слиплись. Раны на руках и ногах были перетянуты тряпками, сквозь которые проступала засохшая кровь. Кишон испытующе взгляделся ей в лицо, скользнул взглядом по свисавшему в вырезе рубахи кистрелю и по темным пятнам татуировок, покрывавших ключицы и шею девушки.

– Мне приснился сон, – хрипло произнесла Майя и снова потрясла головой, избавляясь от липкой паутины воспоминаний. В волосах у нее запутались ветки и листья. Она потянулась, выгибая спину, пытаясь размять мышцы, и стала энергично растирать руки. Все вокруг казалось вязким и неспешным, призрачно-размытым.

Вернувшиеся во сне детская ярость и детская боль никак не желали уходить. Майя медленно потеряла виски. В день, когда мать родила мертвого ребенка, в облике отца впервые мимолетно проступил образ человека, которым ему предстояло стать. При мысли о собственной детской наивности Майя содрогнулась. В горле поднялась жгучая волна. Ах, как ясно она помнила, что значит быть принцессой целой страны!

Что ж, больше она не та наивная девятилетняя девочка. Теперь она вдвое старше, да и не принцесса вовсе.

– Что вас тревожит? – хмуро спросил кишон. Лицо его было изрезано шрамами, лопухины уха не хватало.

Майя покосилась на него.

– Приснился грустный сон. Из детства.

В боку проснулась внезапная боль, и Майя с силой размяла его пальцами.

– Матушка тогда опять родила мертвое дитя. Она горевала. Отец был с ней груб. Это было давно, – она помолчала. – А потом меня отослали.

– То есть изгнали, – бесцветным голосом подсказал кишон.

Майя покачала головой.

– Нет, сначала отослали, отправили в город Бриджстоу на границе с Прай-Ри. Формальным предложением было – помочь уладить пограничную тяжбу между Прай-Ри и Коморосом.

– Формальным предложением, – почти весело хмыкнул кишон. В его исполнении это было равносильно громкому смеху. – Ну и словечки у вас, моя госпожа! Я убийца, а не ученый!

– Прости. Никак не приду в себя после этого сна. В девять лет меня отправили в Бриджстоу. Это предложил канцлер. Помнишь канцлера Валравена? – Кишон коротко кивнул. – Когда матушкины роды вновь окончились бедой, он посоветовал родителям отправить меня в Бриджстоу, дабы я начала овладевать обязанностями наследницы трона. Я прожила на границе с Прай-Ри три года. Там я выучила их язык, – Майя разгладила безнадежно измятые юбки. – Красивая страна. Матушкино Семейство оттуда родом. По-моему, бабушка моя – Альдермастон одного из тамошних аббатств. И деревья такие старинные. Ты там был?

Кишон молча покачал головой.

Вокруг них вилась уже целая туча комарья, привлеченного, по всей видимости, звуками голосов. Разгонять комаров ладонью было бессмысленно – они тут же слетались вновь. Майя подумала было о том, чтобы воспользоваться кистрелем, но остановила себя: взывать к его силе следовало чрезвычайно экономно. Татуировки уже поползли вверх по горлу, и очень скоро любой внимательный наблюдатель сможет без труда их разглядеть. Если же кто-нибудь узнает, что она пользуется кистрелем, об этом тотчас же станет известно дохту-мондарцам, и ее немедленно казнят.

Правда, она и так идет навстречу смерти...

Миссия, которую она приняла на себя в утраченном аббатстве, определила ее судьбу раз и навсегда. Майе предстояло отправиться в Несс, отыскать там Верховного Провидца – точнее, Провидицу – мастонов и выяснить, как появились Бесчисленные и каким образом они сумели наводнить и уничтожить королевства. Только это знание может спасти Коморос. Но как, спрашивается, добраться до самого сердца ордена, который запретил женщинам учиться читать и взывать к Истоку?

Невидящим взглядом Майя уставилась на тонкий, поросший лишайниками и мхом ствол упавшего краснодерева. Тишину заполнил комариный звон и пощелкивание каких-то насекомых. Майя с кишоном торопились на запад, надеясь выйти к берегам Дагомеи, где должно было ожидать «Благословение Бернайленда», судно, которое доставило их сюда. Земли, по которым они странствовали, не прощали ошибок и были жестоки к чужеземцам, и хоть кишон сам был этим землям под стать, странствие было омрачено множеством бед. Каждую ночь путников терзали полчища кусачих насекомых. Под ногами то и дело мелькали змеи, причем опасные, ядовитые. Источники с чистой водой встречались отчаянно редко – впрочем, к счастью, дорогу к утраченному аббатству стерегли яр-камни.

Майя повернулась к яр-камню, у которого ее настиг сон. Узкий, высокий, с закругленными гранями, он был немногим ниже стоящей Майи. На камне было вырезано лицо, почти полностью успевшее изгладиться за прошедшие столетия. На яр-камнях всегда вырезали лица, а служили эти камни для того, чтобы направлять силу Истока, даруя людям воду, свет, огонь, тепло и множество всевозможных позабытых вещей. Без яр-камней этот поход был бы невыносим.

Взятую в дорогу провизию путники давно уже съели, однако кишон был привычен к такой жизни и без труда находил добычу, пусть и не на самый изысканный вкус, – ящериц, крыс, белок, а порой даже летучих мышей. Страстно мечтая о нормальной еде, Майя надеялась, что уже через несколько дней они выйдут к кораблю. Пусть он понесет их в Несс, навстречу страшной судьбе, пусть что угодно, лишь бы только выспаться в нормальной человеческой постели!

– Покажите укусы, – сказал кишон и сделал движение, словно желая коснуться платья.

Ворот платья был разорван в том месте, где солдаты отца, посланные ее защищать, рванули кистрель, пытаясь сорвать его, а саму Майю – задушить. Девушка сжала ткань в кулаке и помотала головой.

– На корабле посмотришь, – сказала она. – И у меня ничего не болит.

Кишон хмыкнул, пожал плечами и встал. Он осмотрел яр-камень, провел забинтованной рукой по щербатым каменным бокам, фыркнул с видом не то презрительным, не то высокомерным и стал ждать, покуда Майя вызовет чистую воду, чтобы они могли напиться.

Майя отбросила за спину спутанные темные волосы, встала сбоку от камня и наклонилась, чтобы не замочить платье. Девушка воззвала к кистрелю, и глаза яр-камня загорелись двумя угольями. Из щели, некогда изображавшей рот, хлынула вода. Майя сунула под струю руки и стала тереть, наслаждаясь ощущением бегущей по пальцам холодной воды. Сложив ладони ковшиком, она напилась. Потом еще раз. Еще. Источник не иссякал, и вода без устали наполняла небольшую ямку у основания камня.

После Майи пил кишон. Он сунул голову под воду, а потом стал ловить струю иссеченными шрамами губами и пить большими глотками. Дождаясь, пока он напьется, Майя положила руку на камень.

Стоило ее коже коснуться камня, как в сознании возник образ, такой ясный и четкий, словно перед ней распахнулось окно в иную страну, и теперь она видела ее одновременно с тем, что было вокруг.

– Кто ты?

Этот вопрос исходил от человека – мужчины, стоявшего на коленях перед другим яр-камнем в череде указывавших дорогу к аббатству. Увидев груды костей и ржавых доспехов, Майя сразу узнала это место. То было поле давней битвы, в которой не выжил никто. Волосы и борода человека были словно припорошены пеплом, лицо – усталое и грязное. Черная куртка дохту-мондарца была в грязи. В левой руке человек сжимал кистрель.

– Кто ты, девчонка?

Его яростная мысль впиалась в разум Майи, обездвижила ее, связав той самой нитью, что протянулась между девушкой и яр-камнем. Майя не могла пошевелиться. Не могла дышать. Вокруг человека стояли рыцари в дагомейских одеяниях. Майя запаниковала. Эти люди тоже пришли в проклятый лес... и охотились они на нее! Мысль беловолосого была сильна и безжалостна.

Майя попыталась оторвать руку от камня, но не могла пошевелиться. Чуждая, страшная сила потекла по ее костям и жилам, связывая, обездвиживая.

«Она попалась, – подумал человек, обращаясь к кому-то другому. В поле зрения вступил еще один человек в дохту-мондарской рясе и тоже положил руку на камень. Его мысли зазвучали четко и ясно. – Прошлой ночью она спала у гаргуйля. Орландер уже почти на месте. Я буду держать ее, пока он не прибудет. Попалась! Ее-то мы и ищем».

Усилием воли Майя оттолкнула его мысль. Сила, сжимавшая ее в тисках, застонала, и Майя рванулась на свободу. Ей не удалось сдержаться, и сквозь связывавшую ее нить потекли воспоминания.

«Эй, Корриво, а она не из слабеньких!» – почти восхищенно подумал второй дохту-мондарец.

«Я все равно сильнее», – отрезал беловолосый. Майя по-прежнему видела его... этого бородатого, Корриво. Его мысли ударили ей в сознание. Они были как окованный железом таран, и Корриво сжал зубы, ломая ее сопротивление.

«Попалась, Марсиана Соливен, – подумал, обращаясь к ней, Корриво. – Мы захватили твой корабль с командой. Пока ты спала, я выслал вперед двух охотников с солдатами. Тебе от меня не уйти. Сдавайся, леди Марсиана».

Майя дрожала от ярости страха. Ее воля схлестнулась с волей врага. Майя дрогнула. Корриво нахмурился, мрачное его лицо потемнело.

«Я тебя вижу. Нас послал король Дагомеи, в борьбе с ним ты бессильна. Мы выследим и схватим тебя, моя леди, это я тебе обещаю. Тебе не уйти. Когда придут солдаты, ты сдашься в плен. Прикажи своему защитнику сложить оружие. Сделай...»

Майя крепко зажмурилась и попыталась изгнать из головы мысли дохту-мондарца, однако, как ни старалась, они отпечатывались у нее в сознании, словно вырезанные в камне руны. Враг давил Майю своей волей, приказывал ей повиноваться. Майя ощутила, как чужая сила завладевает ею, и поняла, что если она увидит этого человека, то не сможет не подчиниться.

– Моя госпожа? – поднял голову кишон. Должно быть, он догадался: что-то случилось.

Майя не могла говорить. Язык не повиновался ей. Она посмотрела на кишона молящим взглядом.

«Уходи, – в отчаянии подумала Майя. – Не вмешивайся».

«Не могу ее удержать», – подумал второй дохту-мондарец, внутренне застонав от усилия.

«Ничего, удержим, – подумал Корриво. – Будем держать вместе, усмирим как миленькую. Не ослабляй захват!»

Хватка чужого разума усилилась, и в голове у Майи взорвалось облачко боли. Девушка застонала, чувствуя, как крошится и рушится ее воля. Колени дрожали, тело сотрясали конвульсии. Она поспешно ушла в себя, призывая на помощь последние крохи силы и решимости. Она отобьется. Иначе никак нельзя. Пусть она погибнет на пути к цели, но не здесь, не сейчас.

«Сдавайся, леди Марсиана. Сдавайся. Сдавайся!»

Она задохнулась – кишон рывком отбросил ее от яр-камня и упал сверху. Связь с камнем оборвалась, и мучительная хватка чужого сознания исчезла. Майя часто задышала, хватая ртом воздух.

– Они нашли нас, – выдохнула она, перекрывая стук зубов. – Дохту-мондарцы идут за нами!

– Где они? – кишон быстро встал и рывком помог подняться Майе, выхватил клинок и резко развернулся, вглядываясь в чашу.

– Идут по нашему следу, – сказала Майя, указывая на запад. – Я увидела их разумом. Они говорят, что захватили наш корабль и команду. Они знают, что мы остановились на ночлег у камня, поэтому послали вперед своих людей и двоих охотников в придачу. Надо бежать, но куда? Путь по морю для нас теперь закрыт.

Сердце бешено стучало. Вокруг была чужая земля. Земля, где родилась погибель.

– Если они захватили корабль, на запад нам нельзя. Выбора нет – придется идти на север. Пешком через всю Дагомею.

Майя понимала, что кишон прав, однако сама мысль об этом переходе страшила ее до глубины души. Между Коморосом и Дагомеей исстари царило немирье. Молодой, жестокий, честолюбивый дагомейский король поклялся низложить отца Майи и забрать под свою руку Коморос, и причиной его гнева было не только изгнание ордена Дохту-Мондар из пределов Комороса, но и разорванная много лет назад помолвка с самой Майей. Но король Дагомеи не знал, что в отцовском королевстве больше не было ни мира, ни покоя и что судьба Комороса ныне лежала на плечах изгнанницы, королевской дочери, лишенной наследства.

Майя и кишон поспешно собрали пожитки и торопливо углубились в лес. Вскоре яр-камень остался далеко позади. Они не бежали – бег слишком быстро утомил бы их. Преследователи шли всю ночь, в темноте, а потому наверняка устали и не сразу поймут, куда пропали беглецы. Майя шла, а в голове у нее разворачивалось что-то черное и маслянистое, словно бы оттиск намерений дохту-мондарцев. За всю свою жизнь она лишь дважды видела людей со столь сильной волей. А ведь с солдатами могут идти и другие. Если дагомейцы знают, что

у женщины, которую они преследуют, имеется кистрель, они пошлют столько людей, сколько понадобится, чтобы смирить ее силу.

Майя наткнулась на ветку. От торопливой ходьбы сердце неслось галопом. Майя всегда любила карты изведанных земель и всю жизнь охотно рассматривала их, запоминая названия городов и провинций, обводя пальцем горы и леса. Она с детства помнила, что более половины территории Дагомеи необитаема. Сама природа этих земель восстала против королевской власти, и на место человека пришла Гниль, которая уничтожила королевства и воцарилась на их месте. Никто не селился здесь, ибо в проклятых землях в изобилии обитали смертельно опасные змеи и ядовитые пауки. В северной части Дагомеи человеческие поселения еще были, но на юге, вдали от прибрежной полосы, селились лишь редкие смельчаки. Как ни старалась Майя, она не могла припомнить ни единого названия здешних деревень или городов.

Она в ужасе осознала, что теперь от Несса – главного обиталища Дохту-Мондар – ее отделяли целых три государства: Отландия, Пайзена и Мон. Мон находится на самом побережье, его, возможно, удастся обойти, но вот избежать пути через остальные страны можно, лишь имея корабль. И все три государства ополчились на ее отца с того самого дня, как он изгнал дохту-мондарцев из Комороса.

Они шли с решимостью, рожденной отчаянием. Майя была крепкого сложения и сумела пережить все опасности, что уже повстречались на ее пути. Она твердо шагала по сырой чавкающей жиже, не ноя, не жалуясь на несправедливость судьбы. На жалобы не оставалось времени. Надо было обойти преследователей, добыть провизию и как можно быстрее добраться до цели.

Желудок ее протестовал против столь быстрой ходьбы и сжимался в болезненных спазмах, горло пересохло от жажды. Солнце выползло из-за горизонта и покатилося вверх, пронзая лучами тусклую листву и глядя обросшие мхом валуны, которые валялись тут и там. Не было ни единой приметы человеческого присутствия. Ни единого дорожного камня.

Они позволили себе краткий привал: Майе нужно было восстановить силы. Исхлестанные, иссеченные жесткой травой ноги отчаянно чесались. Щиколотки распухли и покраснели. Майя тяжело дышала, сердце стучало в ушах как барабан.

– Как по-твоему, они далеко? – еле выговорила она.

Кишон покачал головой, но смотрел при этом вперед, а не назад.

– Рано или поздно им все равно придется сделать привал. А вот нам останавливаться нельзя. Будем идти всю ночь. Так им придется искать след, а это тоже время. Они ведь не знают, куда мы направляемся, так?

Майя покачала головой.

– Им неоткуда знать. Несс – последнее место, где нас будут искать.

Отдых окончен; кишон крепко взял Майю за руку, и они вновь принялись пробираться сквозь заросшую подлеском чащобу. Майю мучила жажда. Пить из поросших папоротником болот они не осмеливались, понимая, что вода в них так же ядовита, как и все в этой земле, а поиск яр-камней был бы неоправданным риском. Что, если Корриво караулит у своего яр-камня в ожидании этой возможности? Нет, нельзя выдавать дохту-мондарцам свое присутствие и свой путь. Пусть впустую рыщут в темноте и шарят по кустам.

Если бы только у Майи имелся собственный охотник! Он заметал бы след, знал бы эту землю со всеми ее тайнами. На него можно было бы положиться. Майя упорно шла вперед, а мысль об охотнике упорно билась у нее в голове. Собрав все силы души, Майя безмолвно, яростно крикнула в пространство: «Мне нужен охотник! Мне нужен тот, кто знает путь!»

Словно ответом на ее мольбу, в лицо ударил ветер. Быть может, то был ответ Истока? Майя не знала.

На исходе дня она поняла, что не ошиблась.

Когда я была безродной и жила в Муирвуде, некий странный человек по имени Мадерос рассказал мне сказку о горе близ аббатства. Гора называлась Тор. Мадерос рассказывал, как однажды с севера пришли воины. Они пришли не из семи королевств, а из страны темных озер и каменистых фьордов. Они приплыли на длинных расписных ладьях и обрушились на наши земли. Они вырезали деревню на озере у аббатства, а потом маршем пошли на Муирвуд. И тогда Альдермастон воздел руки и призвал гору из тех, что выселись вокруг. И гора поплыла над землей и обрушилась на врагов, погубив их. Но знай, о правнучка, что погибли не все солдаты. Те, что остались живы, бежали назад, в свои темные земли, и рассказали там о жителях семи королевств и о могучей силе, которой наделяет их Исток. Знай, что эти люди, нессийцы, пришли на брошенные нами земли и завладели ими. Нессийцы хитры и всегда готовы к драке. Когда в семь королевств Комороса, Прай-Ри, Дагомеи, Отландии, Мона, Авиньена и Пайзены вернутся мастоны, они увидят, что на покинутых землях воцарилось иное, восьмое королевство. Жители его будут выказывать притворное дружелюбие, но доверия в их сердцах не будет. Они будут бояться вас. Они возродят орден Дохту-Мондар. Помни об этом. Лийя Демонт, Альдермастон аббатства Муирвуд

Глава третья

Аргус

Поначалу они почуяли запах горящих дров, легчайшую нотку дыма в воздухе. Чуть позже стал виден и сам дым. На него и пошли путники. Переставляя измученные каменистыми горными тропами ноги, они перевалили через усыпанный снегом хребет и увидели внизу перед собой озерцо, а на его берегу – деревушку. Крутые склоны были усыпаны обломками сланца и гранита, поэтому путникам всякий раз приходилось тщательно выбирать место, чтобы поставить ногу. По небу неслись рваные белесые облака, время от времени закрывавшие солнце. Майя долго смотрела на селение. Она заметила, что среди росших на гребне и ниже по склону сосен многие были мертвы, и кора их светилась серебром в тонких темных прожилках.

Майя провела рукой по гладкой серой древесине и снова поглядела вниз, на деревню. Там можно найти еду, подумала девушка, и в животе у нее запело от предвкушения.

Кишон оглянулся в поисках погони, затем вновь устремил свой взгляд на деревню.

– Десятка два лачуг, не больше, – пренебрежительно заметил он. – Эти нам не помогут.

– Да, у меня ноги уже не идут, и нам нужна пища и вода, – сказала Майя. После тяжелого подъема колени у нее горели от боли. – Где бы мы ни заночевали, главное – идти вперед. Может, кто-то в деревне знает здешние места и поможет нам отыскать путь.

– Или, наоборот, попытается нас задержать, – мрачно возразил кишон. – Ну да для гарнизона эта дыра маловата, так что людей короля опасаться не приходится. Хоть согреемся у огня. Будьте осторожны, леди Майя, здешние склоны опасны. Держитесь за мою руку. Будем спускаться.

Она была признательна за помощь, не раз и не два ее башмачки соскальзывали при спуске, камни вылетали из-под ног, задевая по пути другие, или скатывались с вершины. Сердце ее билось страхом и усталостью с каждым шагом, приближающим их к долине.

Майя по достоинству оценила уединенность этого места, его укрытость и удаленность от остального мира. В деревню не вела дорога, однако, спускаясь, они наткнулись на узкую тропку, протоптанную среди кустарников и валежника, – свидетельство того, что жители деревни имели обыкновение подниматься в горы. Солнце уже садилось, яростные порывы ветра выдували последние крохи тепла, и Майя все сильнее цеплялась за руку кишона.

В горах им не раз попадались странные растения и животные, однако как ни тяжел был спуск, с каждым шагом воздух вокруг становился иным. С тех пор как они ступили на иссеченное штормами побережье Меровии, Майя чувствовала, что земля вокруг проклята и буквально сочится враждебностью. Однако здесь все было иначе. Горные клыки и каменные оползни остались позади, и разлитая в воздухе враждебность начала таять. Тут и там на глаза им попадались следы самых обычных оленей и лис. Незамысловатая птичья песенка ласкала слух. В сердце Майи ожила надежда, в существовании которой она не смела признаться даже себе самой. Она помнила, что по пятам за ней идут дохту-мондарцы, и все же теперь ей верилось, что отчаиваться рано.

– Мы в самом сердце Дагомеи, – сказал кишон и остановился зачерпнуть ладонями воды из ручейка. Впервые с самого утра у них была вода, и они пили долго и сладко, после чего наполнили меха. – Я плохо говорю на их языке, поэтому объясняться придется вам. Говорите как можно меньше. Странные путники, хорошенькое личико – чем не повод для сплетен, – он

вытер рот затянутой в перчатку рукой. – Даже по наряду видно, что мы чужаки. Попробуйте купить у них информацию. Если будут упрямыться – я упрошу дело.

Майя посмотрела ему в глаза.

– Я не хочу беды этим людям. Они ни в чем не виноваты.

– Вы обещали доверять моему мнению, миледи. Поверьте, в таких деревнях страх сильнее звонкой монеты. Они мне не чета, им нас не взять, даже если навалятся все и разом. Не полезут на рожон – не обижу. Но действовать надо будет быстро. И не забывайте о главном. Нам нужна провизия, столько, чтобы хватило до самой Пайзены или Мона. Найдется проводник – еще лучше. Не найдется – уведем его силой.

– Конечно. Но сначала я все-таки попробую договориться по-хорошему.

Кишон выпрямился, стряхнул с рукава веточку, оглянулся на тропу за спиной, кивнул. Майя опустила на колени, зачерпнула ладонями воды и выпила. Вода была чистая, холодная, вкусная. После долгой дороги у Майи болело все тело. Девушка вздохнула. Швы покрытого грязью платья тут и там разошлись. Пришлось потуже завязать на шее плащ и накинуть капюшон, чтобы не видно было лица. Сумерки в этом краю наступали быстро, и путники ускорили шаг, чтобы успеть в селение до того, как падет ночь, и не блуждать в потемках. Безжалостный ветер раскачивал исполинские сосны, рвал со спины разлетающийся плащ, норовил сбросить капюшон.

Они вошли под сень растущих вдоль озера деревьев. Ветер рвал и трепал одежду. Повсюду, куда ни глянь, покоились огромные, порой в два человеческих роста валуны. Поднимались они и из воды на отмелях, и только тут Майя поняла, что камни эти некогда откололись от горы и скатились по склону вниз.

Среди деревьев тут и там высились грубо сложенные из камня хижины, многие – с небольшими дымовыми трубами, источавшими тот самый дым, который заметили путники, стоя на вершине. Недостатка в дровах здешние жители явно не испытывали – в лесу хватало сухостоя. Под башмаками у Майи захрустели камушки и сосновая хвоя. Путники миновали один домишко, другой, но не встретили ни души. Из одного здания – вероятно, харчевни или таверны – доносились голоса. По всему выходило, что местные жители предпочитают проводить время там. Стены таверны представляли собой плоские куски камня, изделия не рук человека, но самой природы, выложенные вокруг огромного валуна. Все вместе походило на руины некогда величественного замка, укрытые деревянной крышей, грозившей провалиться под весом толстого слоя сосновых игл.

Кишон кивнул в сторону здания. Путники подошли к единственной двери. Кишон потянул за железное кольцо, и изнутри пахнуло душистым теплом. Майя невольно улыбнулась – ах, упасть бы на пол прямо здесь и уснуть!

В зале сидели в основном мужчины, хотя, впрочем, имелось и несколько женщин – худых, жилистых, с обветренными лицами. По трем стенам комнаты располагались три очага, и в одном из них жарилась на вертеле оленья туша, от запаха которой у Майи немедленно потекли слюнки.

Путники вошли. К ним шагнул очень высокий – невероятно высокий, Майя таких никогда не видала – человек, шевелюра которого знавала лучшие дни. Он махнул рукой, приглашая их входить, и низким рокочущим голосом приветствовал новых гостей. Говорил он подагомейски, однако не вполне чисто, с небольшим акцентом.

– Добро пожаловать, путники, – дружелюбно улыбнулся он. – Хотите хлеба и вина? Сюда, садитесь здесь, у огня. Эмили! – рявкнул он так, что затряслись стены. – Отдыхайте, я поесть принесу. Устали, видать, с дороги-то.

– Благодарю, – сказала Майя, старательно подражая его акценту. Они уселись у ревущего очага. Майя мгновенно согрелась, лицо ее порозовело. Приветствовавший их великан – мужчина средних лет – в несколько широких шагов пересек залу. Женщина – жена? – торопливо

составляла на поднос еду. Остальные гости обернулись к вошедшим, окинули их внимательным взглядом, а затем вернулись к беседе.

Сквозь рев пламени и гул голосов Майя уловила обрывок фразы:

– ...это в медвежьем-то помете? Во имя Чишу! Руку мы там нашли, человеческую руку. Оторвал ее мишка и сожрал, одни косточки остались. И то сказать, кто ж бродит по горам на зиму глядя? И сожрут, и не жалуйся потом!

Майя удивленно моргнула и обернулась. Эти слова принадлежали коротышке с грудью, напоминавшей пивной бочонок, и такому широкоплечему, что из него, пожалуй, можно было бы выкроить двоих. В курчавых медных волосах коротышки проступала плешь, жесткая заостренная борода была скорее каштановой, нежели рыжей. За массивным стулом коротышки лежал, положив голову на лапы, огромный охотничий пес с короткой жесткой шерстью и неотрывно смотрел на Майю.

Но поразительней всего были не слова, а речь незнакомца, ибо в ней отчетливо слышался акцент жителя Прай-Ри – произношение, какое нечасто услышишь в самом сердце Дагомеи.

– Ну уж нет, и не просите. Я-то эти горы исходил вдоль и поперек, и вот что я вам скажу: дураков на свете хватает. Особенно которые богатенькие. Будто буран разбирает, у кого денежки водятся! Вот однажды шел со мной один, так его молнией шандарахнуло. А я рядом стоял, вот как с тобой сейчас, аж шерсть на руках дыбом. Как на духу! Аргус его жрать кинулся, я еле оттащил. Клянусь Чишу! Медвежатину жрать – жри, а человека не дам!

Он потрепал собаку по голове и расхохотался, держась за брюхо. Собравшиеся вокруг слушатели вторили ему грубым смехом.

Майя пригляделась. Коротышка говорил громко, и потому все внимание присутствующих было приковано к нему. Рыжие волосы в Дагомее редкость. Он из Прай-Ри, это наверняка. Лет на десять – двенадцать старше Майи. Судя по широкой улыбке, коротышка был вполне доволен своим положением. На поясе у него Майя подметила два метательных топорика и длинный нож, да и голодающим этот тип не выглядел.

Великан-хозяин поставил на стол грубый поднос с хлебом, орехами, сыром и лесными ягодами.

– Мяса тоже принесу, как дожарится, – пообещал он. – Согрелась, красотка?

Майя кивнула и еще раз поблагодарила.

– Сколько стоит ужин? – спросила она.

Великан отмахнулся от вопроса, только головой покачал:

– Кто ж это с голодного берет плату? Мы люди простые, живем своим трудом. Что имеем, тем и поделимся.

Тут уж Майя насторожилась. Неужели они забрели в мастонскую деревню?

– Спасибо, вы очень добры. А что это за человек вон там, у того камина? – спросила она.

Великан широко улыбнулся.

– Это-то? Говорит, что он лучший следопыт и охотник Дагомеи. Я так и понял, что вы его ищете. Это он принес оленя. Звать этого парня Джон Тейт. Вам ведь охотник нужен, верно? Мы уж знаем, как явился кто незнакомый, значит, за охотником пришел.

– Познакомьте нас, пожалуйста, – попросила Майя, ощутив прилив тепла, которое не имело никакого отношения к огню в очаге. Дорога не зря привела ее в это уединенное селение. Все свершилось по воле Истока.

Великан кивнул, подошел к коротышке, нагнулся, шепнул ему что-то на ухо. Взгляд коротышки оставался безмятежным. Охотник кивнул и жестом велел собравшимся расходиться. Его послушались, но неохотно, неприязненно поглядывая на Майю с кишоном. Джон Тейт не спеша сполз со стула и, грохоча тяжелыми башмаками по грязному полу, подошел к путникам. Пес поднял голову и наострил уши, но не сдвинулся с места.

Майя умирала от голода, однако отодвинула теплый хлеб и орехи и посмотрела на охотника. Взгляд его карих глаз скользнул по изорванному платью, по потрепанному наряду кишона, по лицам, на которых застыло загнанное выражение. Охотник подтащил стул, развернул и уселся на него верхом, уложив на спинку толстые, как окорока, руки.

– Вы, значит, через горы перевалили, – уверенно и не спеша произнес он. – Да еще с той стороны. И дошли живыми. Бывает же, – он кивнул кишону. – Что, волков повстречали? Шрамы-то того... Вижу, изрядная была стая, и голодная к тому же. А руки-то изрезали! Кровососки прицепились, ясно. Знаю я их – как залезли под кожу, так сразу надо выжечь, а не то так вырезать. Болезнь от них, мозги плавятся, – охотник весело хмыкнул и покачал головой. – Ну, понятно, обратно вам лезть незачем, и я вам не для того нужен. Что ж вы тогда тут делаете, а?

Майя втайне возликовала – вот тот самый проводник, которого им так не хватало! Вот только надо быть осторожней и не сказать лишнего.

Она решила пойти на хитрость.

– Не ожидала встретить здесь человека, который говорит на языке Прай-Ри, – заметила она, переходя на тот же язык. Чужие слова рокотали, перекатываясь, и на лице охотника Майя прочла удивление. Дернулся уголок рта, и охотник ответил девушке широкой улыбкой.

– И я не ожидал, красотка, – ответил он, коротко наклонив голову, а потом ударил кулаком по столу, отчего тарелки на подносе запрыгали, а их содержимое полилось через край. – Клянусь Чишу! – рывкнул он и гулко расхохотался, так что от звуков его хохота содрогнулись стены. – Еще утром на триста миль окрест не было ни единого человека, который понимал бы мой родной язык! Ох и соскучился я по нему! Кто ты, моя госпожа? – он наклонился к Майе и цепко взгляделся ей в глаза. – Ты ведь не из наших, даром что говоришь чистехонько, не отличить от любой нашей девицы.

Майя посмотрела ему в глаза и быстро взвесила возможные ответы. Ей нужно завоевать доверие и уважение этого человека, решила Майя, а значит, надо, чтобы он понял, как важна ее миссия. Угрозы тут не помогут. Майе не хотелось называть себя, но она чувствовала, что эта встреча неспроста, этот человек может ей помочь – недаром их свел Исток.

И она решила довериться охотнику.

– Меня зовут Марсиана Соливен, – негромко произнесла она. Кишон втянул воздух сквозь сжатые зубы и схватил ее за руку, больно сжав пальцы.

– Да ну? – опешил Джон Тейт, явно пораженный ее прямоотой, и негромко засмеялся, покачивая головой. – Леди Майя из Комороса, принцесса-изгнанница.

Он говорил тихо и даже, пожалуй, приязненно. Снова покачав головой, он сел прямо и сложил руки на груди.

– Я вас едва узнал. Видок у вас тот еще.

– Вы меня знаете? – с любопытством спросила Майя.

– Вы-то меня не помните, вы тогда еще совсем малая были. Ваш батюшка послал вас утрясти пограничную тяжбу Комороса и Прай-Ри. Так-то о вас все слыхали, а я вот еще и повидал однажды. Сам я тогда частенько хаживал по приграничным землям, дровишек подбрасывал... а после так и раздувать помогал. Когда топором поработаешь, когда стрелю...

– Так вы королевский охотник? Из Прай-Ри?

Джон фыркнул и отмахнулся:

– Да какой там королевский. Нанимаюсь я, за деньги. К дворянчикам пожиже, или если у кого деньги водятся, к тем и иду. Язык у меня что помело. Все правду-матку режу не глядя, а кому оно надо? Вот и на королевской службе не задержался. А благородное дурачье знай уши развешивает. Терпеть их не могу.

– Я ценю верность и уважаю тех, кто не боится сказать правду.

– Так-то оно так, только от моих рассказней у любого уши вянут, – беззастенчиво ухмыльнулся охотник. – Ну да помнится, тяжбу вы таки разрешили, и справедливо, хоть и

малость неразумно. По крайней мере, разницы между вашими и нашими не делали, хоть и они, и мы ввали напропалую. А по вам никак не сказать было, кому вы благоволите. Очень вас тогда уважали, за справедливость вашу, – охотник прищурился. – Когда ваш папаша... сотворил что сотворил, тяжба вовсю пошла опять. Мне вас жалко было. И надоела вся эта кухня, так что я плюнул и ушел.

– Далеко же ты забрался, Джон Тейт. Чего ты здесь ищешь?

– Говорю ж вам, я человек простой. Дворцовые свары, нарушенные клятвы – не по мне это все. Так что решил я убраться от них подальше, да и пошел себе куда глаза глядят, вот и забрел на самый край мира. Добро пожаловать в Аргус, леди Майя! Это я так деревушку назвал, в честь своего кабыздоха. Ишь, опять дрыхнет, дармоед эдакий.

– Деревню – в честь собаки? – переспросила Майя, не в силах сдержать улыбку. Грубиян и упрямец, этот человек начинал ей нравиться.

– Имя как имя, подумаешь. Я здесь самым первым поселился. Эту вот домину построил и другие тоже, когда народу прибавилось.

Он наклонился вперед и положил руки на стол.

– В Дагомею вам лучше не соваться, сами знаете. Ваше королевство рассорилось со всеми, кто стоит за Дохту-Мондар.

– Да, я знаю.

– И все равно вы здесь.

– Да. Здесь.

– Чем я могу послужить вам, леди Майя? – он наклонился, и стул под его весом скрипнул.

– Мне не нужны слуги, Джон Тейт. Ты сам сказал, что тебе нет дела до королей и дворцовых свар.

– Так куда ж вы собрались, а?

Майя посмотрела в карие глаза и поняла, что им можно верить. Она пришла в Аргус по воле Истока. И этот человек оказался на ее пути тоже по воле Истока.

Она наклонилась и смело встретила его взгляд:

– Тебе можно верить, Джон Тейт?

Он покопался в бородке, с хрустом поскреб подбородок. Глаза у него потемнели. Охотник сложил руки на животе и заявил:

– Мне на вашего папашу наплевать. И вообще на всех наплевать. Верить, не верить – сами думайте.

Майе хотелось оглянуться на кишона и прочесть его взгляд, но она побоялась, что это будет выглядеть признаком слабости.

– Спрашиваю еще раз: чем я могу послужить вам, леди Майя? – произнес охотник, и в голосе его звучала искренность.

– Мне нужно пересечь Дагомею. Лучше всего – по дорогам, которыми никто не пользуется.

– Ну, это-то несложно. Дагомея – страна большая, легко затеряться. Хотите вернуться обратно в Коморос?

Майя покачала головой:

– Нет, мне надо в Пайзену или в Мон. Доведи меня до границы, больше я ничего не прошу.

– Ха, – хмуро фыркнул охотник. – Далековато вы собрались. Приодеть вас надо бы, не то замерзнете в горах насмерть. У меня запасы-то есть, и одежды хватит, я ведь тем и зарабатываю, что вожу по горам всяких разных. Горы, они такие – не пощадят, будь ты хоть трижды благородный и в золоте. Горы уважают тех, кто готов. А вы не готовы. – С этими словами он встал. – Пойдемте-ка со мной. И поднос возьмите. Аргус, рядом.

Огромный пес вскочил и встал рядом с хозяином. Джон Тейт распахнул дверь. Огонь в очагах заметался под порывом ворвавшегося в залу ветра. Майя ощутила прилив сил. Какое счастье, что Исток привел их в это селение и послал им опытного и умелого проводника, рядом с которым невозможное уже не казалось таким невозможным. Девушка придержала дверь для кишона, тот молча вышел и пошел за ней следом.

Джон Тейт завел их за огромный валун, составлявший часть стены таверны. Вытянув руку, охотник показал в сторону клыкастого утеса, силуэт которого четко вырисовывался на фоне неба. Небеса были усыпаны бесчисленными звездами, однако там, куда показывал охотник, светились и ползли вниз по горе совсем другие огоньки.

– Вы не сказали, что за вами погоня, – затвердев лицом, сказал охотник.

– Это дохту-мондарцы, – негромко произнесла Майя.

Джон Тейт выругался вполголоса.

– Ну и кашу вы заварили, – проворчал он. – Этих ребят так легко не убьешь. Давайте-ка убираться, да поскорее.

Глава четвертая

Буря в горах

Распахнув тяжелый деревянный сундук, Джон Тейт принялся торопливо выбрасывать из него одежду. Пес принюхивался, фыркал, яростно хлестал хвостом и тихо рычал.

– Бери самый длинный налучник! – скомандовал Джон кишону, указав на вбитые в стену колышки, на которых висело снаряжение. – И колчанов пару штук. Так, вот вам добрый плащ, – он сунул Майе шерстяную ткань и снова зарылся в сундук. – Шарф, перчатки... Знали бы вы, сколько народу поотмораживало себе пальцы в этих горах! Знавал я одного типа, так он в метель почесал себе ухо, а мочка хруп, и отвалилась. Клянусь Чишу, не шучу! Ну-ка, ну-ка...

Он порылся в сундуке и вытащил длинное шерстяное платье темно-вишневого цвета. Фыркнул:

– Может, даже по размеру будет. Надевайте. Времени мало.

Майя окинула взглядом тесную каменную хижину. Здесь едва хватало места для них троих. Вместо кровати у стены валялась груда медвежьих шкур.

Стыдясь раздеваться при мужчинах, Майя отвернулась и принялась возиться со шнуровой платью, однако охотник остановил ее:

– Поверх надевайте! В горах чем больше одежды, тем лучше. Выглянет солнышко – тогда снимете. И два плаща надевайте. Эх, вам бы еще по два башмака на каждую ногу... Ну, теперь живо!

Кишон снял со стены налучник и два колчана. Джон Тейт окинул комнату хмурым взглядом.

– Фляги с водой у вас есть. Всю еду с подноса – в мешок, вон там возьмите. В бочонке сыр, тоже забирайте.

Охотник шагнул к стене, сгреб еще два метательных топорика, длинный нож и пращу с мешочком камушков. Надел кожаные охотничьи браслеты и перчатку для стрельбы из лука. Незвирая на немалый вес и общую грузность, двигался он на удивление проворно.

Аргус поднял уши и издал низкий рык. Пес смотрел на дверь.

– Либо медведь, либо гости пожаловали, – проворчал Джон Тейт. Кишон выхватил из ножен кинжал.

– Если хочешь нож покрепче, выбери там, – предложил охотник, кивнув на висящий на стене арсенал, а сам стал запихивать в заплечный мешок медвежью шкуру. За шкурой последовала веревка, небольшая железная сковорода, мешочек с трупом и еще несколько странных вещиц, предназначения которых Майя не знала.

Пес зарычал громче.

Майя затянула пояс поверх платья. Джон Тейт приказал:

– Чшшш! Туши свечу!

Кишон двумя пальцами сжал фитиль, и беглецов окутала темнота. Какое-то время кончик фитиля еще светился, красный, словно глаз яр-камня, а потом погас и он. Тяжелые башмаки охотника приглушенно простучали по утоптанному земляному полу – Джон подошел к двери и на волосок приоткрыл ее.

Лунный свет выхватил из темноты его лицо. Джон смотрел в черноту между деревьями и терпеливо ждал, стоя неподвижно, прислушиваясь к свисту рвущегося в щель ветра.

Что-то тяжелое ударило в дверь, и та отлетела в сторону. Охотник успел отпрыгнуть, и вовремя, потому что в домишко влетел человек. Судя по мечу и по тому, что осталось от куртки, это был солдат. Он упал на землю. Кишон молниеносно наклонился и беззвучно ударил солдата ножом. Тот содрогнулся и замер.

Держа наготове топор, Джон Тейт шагнул в дверной проем, замахнулся и метнул свое оружие. Кувыряясь, топор полетел вперед и ударил в грудь второго солдата. Солдат упал. Аргус зарычал и бросился к деревьям, где обнаружился еще один солдат; прыгнув, пес сбил его с ног.

Вслед за Джоном из хижины выскочил кишон, и в следующее мгновение его нож уже летел в нападавшего.

Джон Тейт бросился к убитому, наступил ему на руку и вырвал из груди топор. Майя побледнела, однако тотчас же взяла себя в руки и, подобрав край плаща, побежала за защитниками.

– Сюда, – шепотом велел охотник. Мимо него пролетела стрела и угодила не то в валун, не то в стену очередной каменной хижины.

– Аргус, взять! – приказал Джон Тейт, прыгнул к Майе, схватил ее за руку и потащил в лесную черноту. Пес с кровожадным рычанием бросился вперед. За лаем и рыком в лесу раздался крик боли.

В тени поджидали их еще два солдата.

– Оба твои, – бросил охотник кишону и потащил Майю куда-то вбок. Кишон понял все с полуслова, выхватил два клинка и бросился на врагов. На бегу Майя услышала, как кто-то прерывисто ахнул и застонал от боли, но потом едва не подвернула ногу, споткнувшись о камень, и с трудом устояла. Пригибаясь, они с Джоном бежали сквозь лес, забирая вправо, на бормотанье ручья. Сейчас темнота была им другом.

В ночи раздался пронзительный вопль, и через мгновение откуда-то выскочил тяжело дышащий Аргус.

– Теперь у них на одного охотника меньше, – угрюмо усмехнулся Джон Тейт. – Ну да у них наверняка еще есть, нам на беду. Как говорится, запас карман не тянет. А Аргус – он медведя может завалить. Думаете, шучу? А вот увидите, коли повстречается.

Они выбежали на берег небольшого ручья. Джон Тейт показал Майе цепочку округлых камушков, выступавших из воды, и велел переходить. Налетел ветер, раскачал сосны, завыл пронзительно, запуская под одежду ледяные шупальца. Кишон одним прыжком перемахнул ручей и побежал рядом.

– Пришлось снять еще двоих – они видели, куда мы побежали.

Охотник фыркнул:

– В этих горах уйма троп. Пойдем по этой, – показал он куда-то в сторону, – и нас сцапают у озера. А вот в горах я знаю одну пещеру, где можно отсидеться. Потом спустимся в Рок-Адамор, городишко такой. Стоит на перекрестке всех дорог этой Сотни. Если доберемся туда первыми, им ни за что не взять след.

– Далеко? – спросил кишон, в поисках преследователей всматриваясь в черноту за спиной.

– Если поспешим, к рассвету доберемся. К тому же там можно разжиться еще кое-какой провизией. И таверна есть, называется...

Небо прорезала внезапная яркая молния. Беглецы на мгновение ослепли.

– И ведь ни облачка, клянусь Чишу! – удивленно прищурился Джон Тейт и уставился в залитое призрачным звездным светом небо. Черноту над долиной прорезала еще одна молния. В лицо беглецам ударил ветер, который с каждой минутой становился все сильнее.

Кистрель обжег кожу на груди. Майя поняла, что буря это непростая и вызвана она с помощью Истока. В груди у нее похолодело. Молния ударила в дерево у них за спиной. Дерево вспыхнуло. Аргус взвыл и зашелся лаем.

– Тихо ты! – бросил Джон Тейт, хватая пса за загривок. По сосне заплясали языки пламени; вспыхнули ветки. Под порывами ветра языки пламени взлетали все выше и разбрасывали искры, грозя поджечь весь лес.

– Леди Марсиана! – крикнул из темноты повелительный голос. Майя узнала его: это он говорил с ней в мыслях у яр-камня, когда она призывала воду. – Немедленно сдавайтесь, иначе я сожгу эту деревню. Я гнался за вами слишком долго, и мое терпение на исходе. Если вы уйдете, все эти люди умрут.

Это был Корриво.

Ветер был так силен, что Майе приходилось сжимать в кулаке собранные на горле края чужого плаща, который так и норовил сорваться с ее плеч и улететь в ручей. Вокруг что-то шипело и стонало, вились невидимые тени. Страх в душе Майи боролся с яростью.

Вновь ударила молния, и новое дерево оделось языками пламени.

– Мне надоело ждать! – крикнул из темноты Корриво.

Майя посмотрела в глаза кишону. Он едва заметно качнул головой: нет. У Майи заныло в груди. Разве могла она бросить бедных сельчан на гибель? Разве заслужили они такой судьбы? Ведь они были так добры к ней. Майя знала: Корриво выполнит свое обещание, и от этого сердце у нее рвалось на части. Неужели она купит себе жизнь ценой чужих жизней?

Она обернулась к деревне. Она даст бой.

– Не надо, – сказал Джон Тейт, хватая ее за руку. – Я по голосу слышу: он так и так их убьет. Надо бежать в горы, моя госпожа.

– Я могу его остановить, – ответила Майя, стараясь совладать со страхом. Воздух вокруг начал густеть, наливаясь силой Истока.

Она повернулась к пылающим деревьям и возвала к силе кистреля. Сжав зубы, она отпустила на волю свои чувства и излила в медальон все самое темное, что таилось у нее в душе, – ярость, унижение, отчаяние, страх.

Покорный ее зову и силе ветер тотчас же сменил направление.

– Не делай этого, леди Майя! – воскликнул Джон Тейт. – Ты наведешь его на нас!

Внутри у нее поднималась сила, могучая, как приливная волна. Майя поняла, что она может все. Голова закружилась, в ней родилось знакомое покалывающее ощущение, от которого всегда хотелось смеяться.

– Отойдите, – отрывисто бросила Майя.

Ветры схлестнулись. Под бременем творимой магии у Майи задрожали ноги. Рядом ударила молния, разлетелся на черные осколки валун. Но на сей раз молния не смогла ее ослепить. Майя всей душой рванулась вперед, посылая во врага удар энергии. Висящий на шее кистрель жарко пылал, и через него Майя чувствовала присутствие врага, видела, что он стоит совсем близко, на одинокой скале у озера. Глаза его светились серебром – совсем как у нее самой.

«Я тебя нашел».

Она чувствовала, как он торжествует. Его мысли давили, вламывались в ее сознание, словно окованный железом таран. Майе захотелось сдаться, но она сумела задавить это желание. Она оттолкнула чужие мысли, ударила изо всех сил. Рядом с разумом Корриво возник еще один и сковал ее, словно кандалы. И еще один. Против нее вышли сразу трое дохту-мондарцев.

«Я ее держу. Убейте ее немедленно, о протекторы!»

«Нет!» – закричала Майя и забилась в сотканной ими тюрьме. Плечи налились болью, будто она несла на себе невыносимую тяжесть. Сила швырнула ее на колени.

– Они нас увидели! – закричал Джон Тейт. От горящего леса к ним бежали солдаты с мечами наголо.

Майя застонала от непомерного усилия, и вдруг перед солдатами ударила в землю молния. Солдаты кинулись в разные стороны, но не все – несколько человек упали наземь, и лица их были черны, как головешки.

«Ты мне покоришься! – закричал у нее в голове голос Корриво. – Покорись мне!»

«Ни за что», – ответила Майя, но сопротивление отнимало так много сил! У нее потемнело в глазах, она почувствовала, как вены на лице наливаются кровью, лопаются, как кровь стекает по щекам. Чужая сила опустилась на нее камнем и давила, покуда Майя не упала наземь лицом. Она больше не могла противостоять врагам. Их объединенная воля многократно превосходила ее силы.

«Попалась! Попалась!» – уловила она ликующую мысль Корриво.

В воздухе свистнул топор и ударил в грудь бегущего солдата. Страшно завыл Аргус.

Чья-то рука ударила Майю в спину, и девушка упала в грязь. Откуда-то донесся едва слышный звон, тонкий, но явственно слышимый даже сквозь шум сражения.

«Нет! Нет!» – в отчаянии закричал Корриво, когда сознание покинуло ее и Майя стала свободна от его пут, из последних сил возблагодарив за это судьбу.

Сильные руки подняли ее с земли. Больше она ничего не помнила.

Глава пятая

Леди Деорвин

Чем ближе становилась башня Пента, тем труднее было сидеть смирно, не разглаживая поминутно складки платья. Колеса кареты постукивали по гладко вымощенной улице, и, хотя уличная суета замедляла продвижение, конный эскорт в мундирах Комороса упорно расчищал ей дорогу. Почти четыре года прошло с тех пор, как Майя в последний раз видела этот замок, была дома. Сердце ее пело от радости. Живя в Бриджстоу, она выучила язык Прай-Ри, и теперь ей не терпелось продемонстрировать свое новое умение отцу. Ей исполнилось почти тринадцать, и за время отлучки она выросла и повзрослела.

Теперь она знала, как работает Тайный совет, умела оценить по достоинству мудрую подсказку и почтительно выслушать наставление опытного царедворца. Порой ее решения бывали противоречивы, но ни одного из них отец не отменил.

Майя втайне надеялась, что он гордится ее успехами.

Разлука с матерью далась ей тяжело. Поскольку писать женщинам не дозволялось, Майя получала от матушки лишь устные послания либо письма, которые та диктовала писцам. Майе читали эти письма вслух. Сообщения, распоряжения и предписания от отца приходили постоянно. На людях Майе приходилось притворяться неграмотной, однако в сундучке у себя она хранила несколько посланий, и, оставшись одна, находила в них утешение, перечитывая написанное и водя пальцем по выведенным чернилами буквам.

Когда солнце коснулось главной башни, карета прогрохотала по широкому подъемному мосту и остановилась так внезапно, что Майя едва не покатила кубарем с сиденья. Во дворе, в гуще спешивающихся рыцарей-мастонов, которые сопровождали карету, Майя разглядела черную рясу и взъерошенные волосы канцлера Валравена. Поверх рясы канцлер надел коричневый меховой плащ, усыпанный драгоценными камнями, и церемониальную накидку, говорившую о его высоком положении. Майя помахала ему из кареты. Канцлер улыбнулся. Лакей из числа зевак поспешно поднес ей скамеечку и помог сойти на землю.

– Превайли, приа хоспиа, черу Марсиана, – приветствовал ее канцлер и глубоко поклонился.

– Превайли, канцлер, – ответила Майя, присев в низком реверансе. – Вы боитесь, что я забыла родную речь? Я не забыла.

Канцлер окинул ее сияющим от гордости взглядом.

– Как вы выросли! Вам впору танцевать у майского дерева!

От радости, наполнявшей его взгляд, Майя смущенно покраснела.

– Вы уже почти взрослая. Я получал донесения обо всем, что происходило во время вашего визита в Прай-Ри, и должен заметить, что ваши решения делают вам честь. Ваш благородный отец гордится вами, это несомненно. Он послал меня встретить вас и препроводить к нему в покои.

– Спасибо, канцлер, – сказала Майя. – Я скучала по вам.

Он улыбнулся и предложил ей руку. Майя расправила платье, оперлась о локоть канцлера и пошла через двор. Из темных конюшен выскакивали конюхи, подхватывали поводья, распрягали лошадей. Майя кивнула им и улыбнулась, заметив неприкрытое удивление на их лицах. Она еще в Прай-Ри поняла, что благодарность лишней не бывает, и даже самый послед-

ний слуга, если отметить его заслуги по достоинству, преисполнится к хозяйке искреннего уважения и будет служить не за страх, а за совесть.

Они вошли в главную башню. Глаза Майи не сразу привыкли к темноте, но у входа стояли, освещая путь, несколько яр-камней. Внимание Майи привлекли их лица – древние, выщербленные, полустертые, они все так же улыбались входящему. Виды и звуки Комороса утишили мучавшее ее чувство голода, и ей до боли в руках хотелось трогать все вокруг, от дверных косяков до деревянных панелей на стенах. Дворец был прекрасен и устроен с глубочайшим вкусом, ибо отец ее был человек утонченный и не терпел неряшества и неопрятности. Усилием воли Майя заставила себя успокоиться.

– Ваше возвращение пришлось на нелегкие времена, леди Майя, – тихо, чтобы никто не подслушал, шепнул ей канцлер. – Впрочем, вскоре вы и сами все узнаете. Я только не хотел, чтобы для вас это стало сюрпризом.

– Что случилось? – спросила Майя, и сердце ее пустилось вскачь. В письмах, которые писал отец, повелевая ей вернуться, не было ничего тревожного!

– Это случилось не враз, моя госпожа, а шло понемногу, постепенно. Так уж устроен мир: если люди недовольны друг другом, неприязнь между ними растет, словно плесень на сыре. Нынче все зашло уже далеко, и, боюсь, вы будете неприятно удивлены тем, что увидите. Покуда вы были в Бриджстоу, ваши родители несколько... охладели друг к другу.

– Как же это, канцлер?

– К их ссорам все давно уже привыкли, однако поначалу присутствовавшие бывали шокированы. Особенно когда размолвка произошла прямо в главном зале, у всех на глазах. Я уговаривал их избегать ссор в людных местах, и они прислушивались к моему совету, но... Дитя мое, брак ваших родителей рушится на глазах.

Майя встала как вкопанная и посмотрела канцлеру в лицо неверящим взглядом. Ее мутило.

– Не может быть, – хрипло прошептала она.

Канцлер участливо похлопал ее по руке и повел дальше. Майя поняла, что ее удивление не осталось незамеченным. Прочитав во взглядах окружающих сочувствие, она поняла, что все знали: дома ее ждет беда.

– Идемте, леди Майя. Не стоит мешкать.

Неимоверным усилием она совлала с собой и заставила себя идти. Шорох юбок отвлекал ее, мешал думать. Внутри у нее все бурлило, словно крутой кипяток в котелке над огнем.

– Но ведь их брак был заключен под нерушимым обетом, – прошептала Майя сквозь сжатые зубы.

– Мне знаком этот мастонский обычай, – кивнул канцлер. – Но обет лишь усугубил ситуацию. Ваши родители стали отвратительны друг другу. Мать еще пытается что-то исправить, но ваш отец непоколебим. Он упрекает ее на людях, а язык у него ядовитый, о да. Укрепите свое сердце, дитя мое. Приготовьтесь к встрече. Прежде вы, помнится, не любили слез – не переменили ли вы свое отношение? Ваш отец всегда гордился тем, что вы, в отличие от других детей, не плачете.

Майя сжала свободную руку в кулак и ощутила, как в душе поднимается темная волна.

– Я никогда не плачу на людях, канцлер. Слезы – признак слабости. Что меня ожидает?

– Я и так сказал больше, чем следовало бы. Но я не мог не предупредить вас заранее. Ваш отец часто гневается. Я знаю, что вы любите его. И догадываюсь, что вы будете его бояться. Будьте тверды, леди Майя. Укрепите свое сердце.

– Благодарю за предупреждение, канцлер, – ответила Майя, с трудом проталкивая в горло слова. Рука об руку канцлер с принцессой пошли вверх по лестнице. Еще минуту назад Майя непременно захотела бы провести рукой по холодным выступам каменных стен, но теперь лишь сжала крепче зубы, прогоняя тошноту, которая высасывала из нее все силы. В горле у нее

пересохло, однако она поднималась легко, как будто каждый шаг не требовал от нее напряжения всех сил. На вершине лестницы их встретили покои, выстеленные ароматным тростником. С хрустом ступая по тростнику, вдыхая сладкий запах, канцлер с принцессой пошли к королевским покоям.

В холле они увидели женщину, которая шла им навстречу. Приблизившись, женщина вскинула голову и посмотрела на гостей. Майя узнала ее – это была леди Деорвин из Честерской Сотни. У леди были длинные золотые волосы, глаза, голубизной соперничающие с ясным небом, и очаровательная улыбка. Майя все еще уступала ей в росте, однако помнила: леди Деорвин принадлежала к числу матушкиных фрейлин. У нее были две дочери, ровесницы Майи. Их звали Мюрэ и Иолесия. Майя по праву гордилась отличной памятью и помнила дочерей леди совершенно точно, но их рядом с ней не было. Только маленький мальчик, застенчиво выглядывавший из-за материнских юбок.

– Добро пожаловать в Коморос, леди Марсиана, – сладким голосом приветствовала ее леди Деорвин. Глаза ее блеснули, но Майя, не имея опыта в подобных делах, не смогла разобрать мелькнувшего в них странного выражения. А между тем под маской подобострастной улыбки таилась ненависть. Убрав с плеча золотую прядь, леди подошла ближе и сверху вниз посмотрела на Майю.

– А вы подросли, если мне не врут глаза. Конечно, мои девочки выше вас, но вы вполне хорошенькая. Мне всегда нравились ваши глаза, Марсиана. Честерская Сотня лежит на морском побережье, и мне всегда казалось, будто в ваших глазах играют волны. Как я вам завидую.

Она протянула руку, взяла Майю за подбородок и повертела ее лицо туда-сюда. Ее фамильярность была унижительна, и Майе захотелось сбросить чужую руку, однако во взгляде леди Деорвин она прочла явственную угрозу.

– Спасибо, леди Деорвин, – сказала Майя.

– Мама, прогони ее, – сказал мальчик. Он прятался в материнских юбках, но один взгляд ему в лицо – и Майя застыла, оледенев.

– Не бойся, Эдмон, – пожурила мальчика мать и потрепала ему волосы. – Это леди Марсиана, она вернулась из Прай-Ри. Наша Сотня тоже граничит с Прай-Ри. Правда, леди Марсиана красивая?

Мальчик недоверчиво, исподлобья уставился на Майю. При виде его личика горло у нее сжалось. Так мог бы выглядеть в детстве ее отец – та же форма носа, те же каштановые волосы с золотистым отливом... Даже глаза у него были отцовскими – точь-в-точь как у самой Майи.

– Сколько... сколько тебе лет, юный Эдмон? – спросила Майя, и голос ее дрогнул. Она сжала зубы: не плакать! говорить ровно!

Мальчик насупился и промолчал.

– Моему утеночку почти четыре, – сообщила леди Деорвин, играя с локонами сына. В глазах у нее был неприкрытый вызов, словно она хотела, чтобы Майя сама произнесла то, что было ясно без слов. Не дождавшись, леди нагнулась и легонько поцеловала сына в голову. – У Эдмона есть младший братик, – произнесла она так, словно нанесла удар кинжалом.

– Король ожидает свою дочь, – чопорно произнес канцлер Валравен. – Не будем заставлять его ждать.

Леди Деорвин сверкнула глазами:

– Разумеется. Я вовсе не хочу вас задерживать. Добро пожаловать домой, Марсиана.

Слова ее были невинны, дыхание – напоено ядом.

Канцлер Валравен провел Марсиану к двери королевских покоев. Могучую дубовую дверь украшали бесчисленные резные квадраты, которые кое-где накладывались друг на друга. То были символы мастонов. Майя позволила себе оглянуться, и сердце ее сжалось – мальчик и его мать сверлили ее безжалостными взглядами.

Отец ходил по комнате, сцепив руки за спиной. Майя всегда думала, что ее отец – самый красивый мужчина в мире. Он был строен, подтянут, тело его было телом охотника и спортсмена. О нем шла слава искусного мечника, дипломата и правителя. При виде дочери от уголков его глаз побежали тонкие морщинки и улыбка озарила лицо, но под скулами залегли тени, которых раньше там не было, а короткие – отец всегда стригся на южный манер – волосы тронула первая седина. Улыбаясь, он становился так хорош собой, что сердце Майи растаяло, и все же... все же она не могла не увидеть за его радостью горечь и страдание.

– Майя! – воскликнул отец и распахнул объятия.

Майе захотелось броситься к нему, повиснуть на шее, как в детстве. Пусть бы он подхватил ее, закружил, расцеловал, успокоил и поклялся, что все повергнувшее ее душу во мрак было лишь сном и этот сон никогда не вернется.

Отпустив руку канцлера, она подошла к отцу и сделала вежливый реверанс.

– Это еще что за глупости? – неожиданно сурово спросил отец. – Майя, ты дома! Я рад тебя видеть. Не будь такой чопорной, обними отца, ну же!

подавив обуревавшие ее чувства, она шагнула к отцу и оказалась в его объятиях. От него пахло чем-то родным, не какой-нибудь корицей или сложными благовониями, а его кожей, его дыханием. Позабутые детские чувства захлестнули Майю, грозя нарушить ее с трудом обретенное самообладание. Она почти позабыла о материнском позоре, о маленьком Эдмоне с глазами ее отца – почти, но не совсем.

– Так-то лучше, – усмехнулся отец и от души обнял дочь, а потом отодвинул ее на расстояние вытянутой руки и с удовольствием оглядел. – Ты стала красавицей, Майя, хотя, конечно, для каждого отца его дочь – красавица. Погляди-ка, Валравен. Хороша!

– О да, ваше величество. И дело, которое вы поручили леди Майе, было выполнено удивительно успешно, особенно учитывая ее возраст. Вы можете доверить ей любое поручение. Она верна вашему величеству.

– Знаю, – ответил отец и, в точности как леди Деорвин, взял дочь за подбородок. Майя вздрогнула, но отстраниться не посмела. Отец смотрел с любовью, но что-то в его взгляде отдавало чувством вины и стыда.

– У тебя прекрасная портниха. И цвета тебе эти идут. Стиль мне нравится – даже после долгой дороги ты выглядишь аккуратно и пристойно. Это достойно уважения. А скажи-ка, Майя, сильно ли изменили тебя эти годы? В Прай-Ри умеют вскружить девушке голову. Но ты, похоже, вовсе не изменилась. Я вижу тебя такой, как прежде.

– Я ничуть не изменилась, отец, – смиренно ответила Майя. – А где матушка? Я полагала, что найду здесь вас обоих.

Она ударила по больному и задела отца за живое, но поняла это слишком поздно. Отец явственно вздрогнул.

– Ах да, конечно... я должен был тебе сказать.

Он зашагал по комнате, собираясь с мыслями, подбирая подходящие слова, как будто слова могли смягчить смысл сказанного.

– Твоя матушка здесь больше не живет.

Майя ощутила укол в груди.

– Понимаю, – сказала она и сглотнула.

Отец медленно выдохнул сквозь сжатые зубы.

– Не будем ходить вокруг да около, – он повернулся и одарил Майю холодным взглядом сужившихся глаз. – Я отослал твою мать.

Майя содрогнулась, но промолчала. Щеки ее горели.

– Где же она теперь? – чуть слышно спросила девушка. Отец не расслышал ее слов; пришлось переспросить.

– Должно быть, где-то в Муирвуде, – небрежно бросил отец. – Захудалая Сотня, сплошные болота да топи. Все в руинах, никому не нужное, что-то отстраивают, но чрезвычайно медленно. Боюсь, аббатство уже не возродится. Но дело не в этом, Майя. Твоя мать изгнана. Я намерен расторгнуть брак с ней. – Он бросил на Майю острый взгляд: – И тебя я тоже должен теперь изгнать.

Сердце глухо застучало у нее в груди. Майя уставилась на отца как на незнакомца.

– Но почему? – спросила она, чудом не утратив голос. – Разве вы мною недовольны, отец?

Он замахал руками.

– Нет-нет! Ничего подобного! Ничего более далекого от истины и придумать невозможно. Ты моя любимая дочь и навсегда будешь моей дочерью. Ты мне дорога. Но ты не можешь наследовать мне. А я не могу передать власть над королевством в руки иноземца. Это волки, Майя, и они уже заприметили тебя. Знаешь, сколько женихов с радостью примут твою руку и мой трон в придачу? Нет! Я этого не допущу. Наше королевство – старейшее из всех. Наша знать – самая древняя, наши Семейства – самые сильные. Вот только я не молодею, а твоя мать так и не смогла выносить наследника, сколько бы обетов я ни приносил. Когда ты родилась, что-то в ней... сломалось. Я не могу оставить трон дочери. Если станет известно, что мне наследует женщина, несийцы тотчас же вторгнутся в страну и захватят трон.

Он говорил все злее, лицо его было искажено яростью.

– Я не имею права выказывать слабость. Если трон Комороса унаследует женщина, к нашим границам тотчас же подступят враги. С этим согласен даже канцлер Валравен. Мне нужен сын. Он вырастет воином. Он защитит нас, когда я постарею.

Майя подумала о робком маленьком мальчике, который прятался за материнскими юбками.

Она услышала так много, что молчать больше не могла. Вновь обретя дар речи, она обрушилась на отца:

– Как вы могли, отец? Вы же мастон! Когда вы женились на матушке, вы дали нерушимый обет. Нерушимый! Вы не имели права изгнать матушку. Она благородного рода, у нее есть титул, есть права. Она принадлежит к правящему Семейству!

Лицо отца исказилось от ярости. Он резко шагнул к Майе.

– Не смей со мной так говорить! – выплюнул он. – Ты – моя дочь, так будь любезна молчать и повиноваться. Как ты смеешь швырять мне в лицо мои же собственные клятвы! Я знаю, что я делаю. Я должен сберечь королевство, и иного пути у меня нет. Ты – всего лишь ребенок. Откуда тебе знать о том, что такое брак?

– Пусть я юна, но вы все равно неправы, отец! И вы сами это знаете. Чем мы навлекли на себя вашу кару? Разве это справедливо? Муж может изгнать жену, если она совершит прелюбодеяние, но ведь это вы...

Взгляд его полыхнул такой яростью, что Майю окатило ужасом. Отец хлестко ударил ее по губам, не позволив продолжить. Майя пошатнулась.

– Молчать, я сказал! – страшным голосом загрохотал он. – Думай, что говоришь! Я не потерплю таких речей от собственного ребенка. Смирно стоять!

Он навис над дочерью. Майя ощутила боль в щеке и вкус крови на языке. Колени у нее дрожали так сильно, что ей показалось, будто она упадет, однако она устояла. Она подняла на отца сухие глаза и одарила его презрительным взглядом.

Глаза отца горели гневом. Он приставил палец к ее носу.

– Слушай меня внимательно, дочь. Я изгоняю тебя из своего дома. Ты мне больше не дочь. Я отринул мастонские клятвы и больше не ношу кольчужницу. Я говорю тебе об этом открыто, дабы между нами не было недоговоренности. Я больше не верю в милость Истока. Я знаю, Исток существует, но он жесток и коварен, – отец выставил руки, словно боясь возражений. – Однако больше об этом не узнает никто. Во имя блага королевства, во имя живущих

в нем людей я буду притворяться, будто по-прежнему верен ордену. Я не стану преследовать мастонов и не перестану восстанавливать аббатства. Я сделаю все необходимое, дабы они были восстановлены и в них вновь свершались службы. Но с твоей матерью я остаться не могу. Я ненавижу ее – ты не знаешь всей меры моей ненависти и презрения к ней. Я не могу выносить даже ее вида. Потому я ее и отослал.

Майя встретила взгляд отца с неприкрытым вызовом.

– Что ж, хорошо! Тогда отошлите и меня вместе с матушкой, – потребовала она. – Раз уж я изгнана, я отправлюсь к ней, в Муирвуд.

Отец покачал головой.

– Нет, тебя я отпустить не могу. Можешь сколько угодно жечь меня взглядом – ты слишком ценная добыча для моих врагов. Если кто-либо попытается встать на защиту интересов твоей матери, я всего лишь отберу его земли в казну, а самого его лишу права наследования. Но тот, кто попытается похитить тебя и вертеть тобой, будет обвинен в измене. Ты останешься здесь, в Коморосе.

Взгляд отца был тверд и холоден.

– Твое изгнание начнется здесь, Майя. Я отсылаю тебя в башню Пент.

– Можно мне повидать матушку? – прошептала Майя, ибо говорить уже почти не могла.

– Позже. Возможно. Если ты будешь мне верна. Не тревожь меня больше, дитя, покуда я сам не призову тебя. Эй, канцлер, отведи ее в башню.

Запомни крепко-накрепко: охотник терпелив. Беспечность пристала добыче. Так говорил один мудрый человек, уроки которого помогли мне одолеть множество бед.

Лийя Демонт, Альдермастон аббатства Муирвуд

Глава шестая

Королевский кольер

Сознание возвращалось медленно. Первым, что ощутила Майя, был странный незнакомый запах, исходивший от ее одежды, волос и даже кожи. Девушка разлепила глаза. Было темно, и в первый момент она решила было, что ослепла. Слева мелькнул проблеск света, и она выгнула спину, пытаясь разглядеть его источник. Рядом, прижавшись к ее спине, лежал Аргус, и от его покрытого жесткой шерстью тела исходило тепло. Стоило Майе шевельнуться, как пес поднял голову и протяжно зевнул, будто укоряя девушку за столь долгий сон.

– Ну наконец-то.

Хриплый голос принадлежал Джону Тейту. Майя не заметила его сразу, однако, когда глаза привыкли к темноте, она сумела разглядеть охотника. Она попыталась шевельнуться, но тело ее было слабым, будто тряпичным. Ей пришло в голову, что она не могла бы обессилеть больше, даже если бы плыла по бурной реке против течения. Впрочем, ей хватило сил, чтобы оглядеться и понять: она лежит в небольшой пещере, а снаружи свистит ветер. Кишона нигде не было, и это Майе не понравилось.

Майя села и немедленно задела головой потолок пещеры. Оказалось, что спала она на необычном ложе: вместо соломы земля была покрыта незнакомыми зелеными листьями, опущенными белыми волосками. От листьев исходил тот самый странный запах, который Майя почувствовала раньше.

– Что это? – спросила девушка, поднося к лицу смятый лист. Запахом он немного напоминал мяту, но на том сходство и кончалось.

– Я зову эту траву ослиным ухом, – ответил охотник. – Видите, листья какие длинные? Она дикая, растет прямо на склоне. И спится на ней хорошо.

Аргус длинно заворчал.

– Да уймись ты, – укоризненно бросил ему охотник. Он сидел, прислонившись спиной к стене, и держал на коленях топор. – Псина бестолковая.

Майя потянулась и погладила пса по шее, почесала толстую шкуру. Пес оглянулся и вывел язык.

– Эдак вы мне совсем пса испортите, – криво ухмыльнулся охотник. – Я всем нашим говорю: кто полезет с моей собакой сюсюкаться, тому руку отрублю. Ну да ладно, вы ж не из наших, – с этими словами Джон Тейт легко потыкал пса в бок башмаком. – Он вас всю ночь стерег, ни на шаг не отходил, даже когда вы руками махать начали. Что, кошмары замучили?

Майя заморгала, припомнив свой сон. Вот и опять, во второй раз подряд, она увидела во сне свое детство. Быть может, это Исток пытался что-то сказать ей, пока она спала? И дело было не только в необычайной яркости снов – события, которые в них происходили, стали предтечей ее нынешнего путешествия. Сердце рвалось от чувств, которые остались в прошлом, – чувств, которые она так старалась забыть. О чем должны были сказать ей эти старые воспоминания?

– Э-э-э... кошмары? – рассеянно повторила она. – Что-то в этом роде, да. Я что, сильно крутилась?

Охотник кивнул.

– Аж мороз по коже. Я было решил, что вы замерзли, да смотрю – пот на лбу. Думал, жар у вас, а оно взяло и прошло. Что вы за человек, леди Майя? – он посерьезнел. – Зачем вам

кишон? – это слово он выплюнул, как что-то гадкое. – О дохту-мондарцах спрашивать не стану, и так все ясно: и медальон у вас, и глаза серебряные делаются. А в Дагомее-то вы что забыли?

Майя задумчиво посмотрела на охотника. Можно ли ему доверять? Он из Прай-Ри, а значит, не обязан любить дагомейцев с их политическими интригами. Дагомейцам Майя не верила ни на грош. И потом, охотник помог ей укрыться от людей Корриво, а значит, и сам теперь был вне закона.

– Не хотите – не говорите, – заметил охотник, – только чем я вам тогда, спрашивается, помогу? Вот вам хотя бы то, что я знаю... что я вытащил из вашего защитника. Сами понимаете, раз я проснулся живой, значит, он решил, что на меня можно положиться. Он сказал что-то насчет утраченного аббатства в проклятых лесах по ту сторону гор. Сказал, что вы плыли на «Благословении Бернайленда» – ну и имечко для корабля. Стражники вашего отца умерли или, гм, погибли. Дохту-мондарцы захватили ваш корабль, так что обратно вам путь заказан. Что ж вы такого ищете в Дагомее?

Майя слушала его, не переставая гладить пса. Конечно, она понимала, что кишон, скорее всего, попытается убить охотника, потому что охотник слишком много знал. Но для того, чтобы помочь Майе, этот человек оставил свою тихую жизнь в горной деревне, а значит, она сделает все, чтобы уберечь его от клинка кишона. Майя уставилась на рыжую шевелюру и вновь ощутила сомнение. Не совершает ли она ошибку?

– Когда мой отец изгнал из наших земель дохту-мондарцев, – медленно начала Майя, все еще поглаживая пса, – в народе стали появляться люди, которые вели себя как-то странно. Как-то... порочно, что ли. Это не походило на Гниль, поразившую предков. Не природа восставала против человека, а люди восставали против достойного поведения. В попытке понять, что происходит, отец стал читать древние книги – летописи былых времен, хранившиеся в ордене Дохту-Мондар.

– А я думал, это были книги наших предков, – сказал Джон Тейт, наморщив нос. – Ну, мастонов.

– Да, но мастонские летописи начинаются со времен Скверны, когда наши предки уплыли от старых берегов. А в летописях дохту-мондарцев говорится о том, что стало с теми землями после того, как ушли мастоны и пали или были разрушены аббатства. Вернувшись и обнаружив, что все семь королевств заняли нессийцы, мастоны узнали, что в Нессе научились читать записи ордена Дохту-Мондар и усвоили, как минимум, часть верований, в нем бытовавших. Сами нессийцы боялись мастонов, ибо в книгах говорилось, что это мастоны призвали Скверну. Обратившиеся в веру дохту-мондарцев нессийцы заключили с мастонами договор и позволили им вновь завладеть утраченными королевствами. На их троны нессийцы посадили представителей знатных Семейств, однако Несс не отдал. Свои секреты они не выдают никому.

– Какие секреты? – жадно спросил Джон Тейт, наклонившись вперед.

– Секреты утраченного аббатства, – ответила Майя. – Оно находится в землях к югу отсюда, но забредать туда осмеливаются только самые храбрые дохту-мондарцы.

– Вы про руины аббатства Дохту, что ли? – уточнил Джон.

– Нет, – покачала головой Майя. – Того аббатства больше нет. От него остался лишь остров... и оно никогда больше не возродится. Я ощутила это сразу же, едва только наш корабль подошел к берегу. На том острове убивали невинных, и теперь он проклят.

При воспоминании о той черной злобе, что была разлита в отравленном памятью воздухе, Майя передернула плечами. Усилив воли изгнав воспоминание, она сказала:

– Хватит об этом. Не хочу говорить. Так вот, в утраченном аббатстве я узнала, что ответы, которые я ищу, хранятся в Нессе. Там живет женщина, глава Ордена мастонов. Я должна найти ее, и еще летописи, в которых говорится о Бесчисленных. Это существа, которые победили

мастонов сто лет назад. Медлить нельзя, не то в Коморосе дела пойдут еще хуже. И жертвой Бесчисленных падет не только Коморос.

– Клянусь Чишу, – вполголоса выдохнул Джон Тейт. – Так значит, глава Ордена – женщина? Но ведь дохту-мондарцы запретили женщинам читать.

– Знаю, – ответила Майя. – И все же это так. Я... я тоже умею читать.

У нее заалели щеки, и девушка уткнулась взглядом в колени.

– А уж если и этого не хватит для того, чтобы привязать вас к столбу и поднести огня, – мрачно сказал Джон, – так ведь всегда остается еще этот ваш амулет. За него уж наверняка сожгут. – Он с кряхтением поднялся на одно колено. – Теперь понятно, отчего это дохту-мондарцы носятся за вами, как гончая за зайцем. Ну и каша заварилась...

Толстой ладонью он похлопал по рукояти топора.

– Надобно вам знать еще одно...

Майя кивнула и смахнула с рукава приставший листок ослиного уха.

– Король Дагомеи, чума на его голову, вечно ищет, с кем бы повоевать. Ходят слухи, что он собирается напасть на Коморос, якобы в отместку за изгнание дохту-мондарцев. Мол, дело праведное и все такое, да только кто ж поверит этому волку в овечьей шкуре.

Джон фыркнул, сплюнул и заговорил снова:

– Если он вас сцапает, того и гляди, развяжет в Коморосе гражданскую войну. Сам он на троне без году неделя, но нрава премерзкого, это всем известно. Полководец не из последних, армия всегда наготове, отвернешься – а он уже у соседской границы. Дай ему волю, будет жрать в три горла, подомнет под себя все окрестные королевства. Он меня нанять хотел, да я с такими не связываюсь – послал его искать ветра в поле. Он никого не щадит, так что пусть хоть золотые горы предлагает, меня таким не купишь, – Джон вытер нос. – Я работой не бросаюсь, не подумайте, но этот хорек тот еще подлец. Совесть у него нет. Никакой он не мастон. Я что хочу сказать, леди Майя: вы угодили между молотом и наковальней. В предгорьях есть одно селение, если повезет, мы разживемся там припасами, а потом пойдем кружным путем, обходя людские поселения, и выйдем к Мону. Или там на вас тоже открыли охоту? – угрюмо поинтересовался он.

Майя покачала головой.

– Разумно придумано, Джон Тейт. Далеко ли до ближайшего селения?

– Дойдем еще до сумерек, если ног жалеть не станем.

Аргус поднял голову, вздернул уши и издал горловой рык.

– А, защитничек вернулся, – едко заметил Джон Тейт, пригнулся, подобрался к краю пещеры и вышел в солнечный свет. Майя нашарила свой мешок, продела руки в лямки и выбра-лась из пещеры следом за псом.

Кишон встретил ее неласковым взглядом.

– Я слишком долго проспала, – смиренно признала Майя. Силы начали возвращаться, и от голода у нее закружилась голова.

– Кому сон, а кому кинжал, – сурово свел брови кишон, и при виде его гнева Майя помрачнела. – Охотников у них больше нет, уж я об этом позаботился. Солдат я сколько-то снимал, пока темно было, но на свету даже слепой найдет нас по следам. Надо уходить.

– Прости меня, – сказала Майя, беря его за руку.

Кишон вырвал руку.

– Сколько можно повторять! – раздраженно бросил он, потом сделал над собой усилие, успокоился и заговорил спокойнее, ничуть не заботясь о том, что рядом стоял Джон Тейт. – Нельзя быть такой мягкосердечной. Это верная гибель. Тот, кто за нами гонится, убьет сотни невинных людей, если только это поможет ему достигнуть цели. Он играет по своим правилам. Любой невинный человек, попадись он на пути, обречен. Поймите это, леди Майя. Такова

жизнь: тот, кто облечен властью, не нуждается в причинах и оправданиях. И ваш отец в том числе.

При этих страшных словах сердце Майи сжалось от страха. Потом пришел гнев, ей захотелось заставить кишона взять свои слова назад. Ее отец – мастон, потомок первого Семейства и наследник правящих домов Комороса. Он не опустил бы до подлого убийства врага, не стал бы подражать древним королям Комороса, что правили этой страной в дни, когда мастоны еще не уплыли за море.

– Я не буду ему уподобляться. И не стану оправдывать ни убийство невинных, ни резню врагов, – едва выговорила Майя, потому что в горле у нее пересохло.

– И что же я должен был делать? – фыркнул кишон. – Упрашивать их, чтоб они от нас отстали? Они не идут за нами единственно потому, что боятся. Боятся меня, боятся темноты. Надо пользоваться тем, что есть. А есть у нас сейчас пусть крохотный, но все же реальный шанс бежать. Двое против двадцати – в любом случае неравный расклад.

Кишон повернулся к Джону Тейту и одарил его мрачным взглядом:

– Веди, охотник. Надо уходить, пока нас не перехватили.

Толстяк-охотник заткнул топорик за пояс.

– Я трупов не боюсь. Ежели придется, будем прорубаться. Пусть себе гниют в лесу. Или под камнями.

Джон нагнулся, сунул руку в пещеру и забросал ослиным ухом тонкую туго натянутую веревку, полускрытую камнями. Майя поняла, что это ловушка и что теперь она взведена.

* * *

Когда горная тропа осталась позади и путники вошли в Рок-Адамор, Майя не чуяла под собой ног от усталости. Солнце быстро опускалось за горизонт, и на городок напоздали фиолетовые сумерки. Широко открыв глаза, Майя с восторгом рассматривала открывавшееся ей зрелище. Город не походил ни на один из знакомых ей прежде, ибо вырос он прямо на шершавом теле горы.

В ее королевстве города и селения стояли на твердой земле посреди прекрасных лугов. Здешние же горные края изобиловали густым лесом и исполинскими валунами. На самой вершине изъеденной непогодами скалы высился роскошный особняк – невозможно было даже представить все великолепие открывавшегося из его окон вида. Прочие дома сбегали по склону вниз – высокие, узкие, с заостренными крышами, которые соединялись друг с другом, хотя найти среди них две одинаковые не сумел бы никто. Еще ниже, там, где склон становился пологим, стояли еще какие-то строения. Майя прикинула, что в городе, который Джон Тейт называл Рок-Адамором, или, в переводе на ее родной язык, «Скалой первых отцов», обитало несколько сот человек. Город был очень стар, но, хотя на окраинах его виднелись развалины домов и скатившиеся с гор камни, прочие дома были новенькими и ухоженными.

Город не нуждался в стенах – сама природа воздвигла вокруг него естественные укрепления. На улицах зажигались фонари и факелы, отчего город казался очень уютным. Особняк на вершине смотрел темными окнами. Должно быть, в нем никто не жил.

– Тут вашим друзьям нелегко будет нас отыскать, – широко улыбнулся Джон Тейт. – Здесь встречаются все дороги нашей Сотни. Пока все проверишь, замучаешься. Вот и пусть проверяют, а мы за это время уйдем вперед. Вон та домина на горе – королевское поместье. Дохту-мондарцы наверняка побегут туда за помощью. Посреди горы, вон там, – он указал пальцем, – живут богатые торговцы. Нам туда не надо. А в той стороне, на самом краю, есть одно надежное местечко глубоко в лесу. И спрятаться легко, и удирать есть куда. О нем мало кто знает, для себя бережем. Идемте.

Оказавшись в городе, Майя принялась беспрестанно вертеть головой. Улицы были полны народу, и она впервые за долгое время почувствовала, что ей ничего не угрожает. Прежде она побаивалась, как бы ее не выдал акцент, с которым она говорила по-дагомейски, однако теперь рядом был Джон Тейт, которого здесь хорошо знали и в присутствии которого к ним никто не пристанет с расспросами, а значит, они останутся неузнанными. Майя была благодарна охотнику за помощь и твердо решила, что при случае щедро вознаградит его.

В отличие от Майи, кишон не разглядывал высокие узкие дома и с невозмутимым видом шагал сквозь сгущающиеся сумерки.

– Наденьте капюшон, – резко приказал он.

Майя подчинилась приказу, хотя ей очень хотелось воспротивиться.

Они прошли по главной улице, миновали, не останавливаясь, лавки и лотки торговцев (правда, Джон Тейт на ходу купил пирогов с мясом, чтобы унять голод), пересекли город и вышли на окраину. Джон остановился у невысокого двухэтажного домишки с круто уходящей вверх крышей под тяжелой каменной черепицей. От главного входа расходились в стороны два крыла, и плещ увивал серые стены.

Джон вошел первым и потопал по грубому коврику у порога. От запаха вина и жареного мяса у Майи потекли слюнки. В очаге плясал огонь, в зале шумно и весело переговаривались и перебрасывались шутками. На стенах висели олени рога, а в одном углу – большая голова лося. Зал был узок, но длинен и занимал весь первый этаж, комнаты же располагались на втором, и подниматься к ним нужно было по узким лесенкам у стен.

Поначалу шум заставил Майю насторожиться, и все же приятно было снова оказаться среди людей и слушать певучую чужую речь. Она понимала все сказанное и про себя отметила, что при нужде сумеет изобразить здешний выговор. Джон Тейт поискал взглядом пустой стол, но не нашел. Аргус нетерпеливо махал хвостом и нюхал пол в поисках оброненного угощения.

От огня в камине Майе стало жарко, и она слегка сдвинула капюшон, кожей ощущая исходившее от очага тепло и свет. Тяжелая дорога вытянула из нее все силы, привлекать внимания было нельзя, и все же Майе так хотелось сесть за стол, и слушать царящий вокруг гомон, и чувствовать себя частью этой жизни.

Она обвела комнату внимательным взглядом и почуяла неладное. Впрочем, это мимолетное чувство тотчас же ушло. На столах были расставлены горшочки с расплавленным сыром, посетители накалывали на вилки кусочки хлеба и окунали в горшок. Запах стоял умопомрачительный.

Оглядывая столы, Майя подметила человека, который сидел, небрежно развалившись, положив ноги на соседний стул, вертел в пальцах кубок и разглядывал таверну в точности тем же взглядом, что и Майя. Человек был высок и крепок, длинные волосы его доходили до плеч. При взгляде на него сердце у Майи подпрыгнуло – редко она видела таких красивых мужчин. Впрочем, в красоте его явственно сквозила опасность, а самоуверенный взгляд не оставлял никаких сомнений в том, что этот человек знает себе цену.

Взгляды их встретились, и кубок замер у незнакомца в пальцах, а потом со стуком опустился на стол. Человек широко, радостно улыбнулся, и Майя покрылась мурашками от головы до стертых ног.

– Тейт! – воскликнул человек, с легкостью перекрыв царивший в таверне гул.

Джон Тейт резко обернулся, нашел взглядом незнакомца и прищурился.

– Ну как же без него, – пробормотал охотник. – И ведь именно сегодня, видит Чишу!

– Кто это? – опасливо спросила Майя. Человек сел прямо и замахал рукой, приглашая их присоединиться. Майе стало страшно.

– Королевский кольер, – беспомощно пожал плечами Джон Тейт. – Вы только молчите. Ему нельзя доверять.

Глава седьмая

Рок-Адамор

Майя не доверяла красавчикам. Она была не из тех, кто тает от очаровательной улыбки или галантного обхождения. Она успела узнать, что за приятным фасадом зачастую скрывается пустышка, капризный упрямец, привыкший всегда добиваться своего. Красивым мужчинам и женщинам все дается чересчур легко – должно быть, потому, что люди слишком легко идут на поводу у красоты. Даже собственный отец Майи, как ни больно ей было это признавать, оказался падок на красивое личико.

Они подошли к столу – вдвоем, потому что кишон, не сказав ни слова, смешался с толпой. Оставшись в компании Джона и Аргуса, Майя опасливо шагнула вперед.

Человек отсалютовал им кубком и принялся беззастенчиво разглядывать пришедших. Майю он удостоил лишь мимолетным взглядом, чуть дрогнув бровью при виде ее взерошенного вида, зато охотника приветствовал с энтузиазмом.

– Судя по твоему виду, ты опять бродил по горам, – протянул он и дружелюбно похлопал по столу. – Скольких потерял на этот раз?

– Троих не то четверых, – ослабил охотник. – Тоска!

Человек потянулся к Аргусу, но пес угрожающе зарычал, и человек отдернул руку. Встав, он повернулся к Майе и изобразил изысканный поклон.

– Финт Кольер к вашим услугам.

– Винт? – удивленно переспросила Майя.

Джон Тейт издал короткий ехидный смешок.

– Не ты первая недослышала, красотка. Этот тип, понимаешь ли, думает, что он мечник. А в поединке есть такая штука, делаешь вид, будто хочешь ударить, а в последний момент бьешь совсем в другое место. Называется «финт». Вот такими штуками наш конюх и прославился.

В ответ на это Финт Кольер только усмехнулся. На поясе у него и впрямь висел меч в изрядно потертых ножнах. Куртка из хорошо выделанной кожи запылилась и поистрепалась. Ворот рубахи был распахнут. Приглядевшись, Майя поняла, что Финт совсем еще молод – скорее всего, ее ровесник.

– Репутация у меня действительно неоднозначная, – в улыбке Финта промелькнула тень недовольства. – Зовите меня Финт Кольер, если вас не затруднит. Тейт зовет меня Кольером, а я зову его Тейтом. Своим знанием о существовании этого местечка я обязан его любезности. Тейт великолепно разбирается в кулинарии – впрочем, вы, конечно же, и сами это поняли, ибо размеры его живота говорят сами за себя.

– Ну чего пристал? Ну, люблю поесть, и что? – огрызнулся Джон Тейт.

– А я люблю пофехтовать, и что? – молниеносно парировал Кольер. Мужчины рассмеялись.

– Клянусь Чишу, – с усмешкой воскликнул Кольер, – вы, вероятно, голодны. Присаживайтесь, прошу вас. Места хватит всем, даже вашему мрачному приятелю, это ведь он там стоит? Я как раз собирался в Аргус по твою душу, Тейт, но ты очень удачно явился сам и сэкономил мне массу сил.

– Чтоб я да отказался угоститься за чужой счет? – хмыкнул Джон Тейт и уселся за стол. Аргус, озираясь, улегся рядом с ним.

Дождавшись, пока сядет Майя, Кольер последовал ее примеру, после чего наклонился вперед, опершись о стол.

– Полагаю, вы уже поняли, что Тейт знает все обо всем. Как вылечить лошадь, как заточить топор, как выстроить прочный дом, как найти воду там, где ее нет. Во всей Дагомее не найти человека, который обладал бы такими обширными и при этом бесполезными знаниями, как наш друг.

– Бесполезными? – усмехнулся Джон Тейт. – Кто, как не я, нашел Торувийское ущелье, чтоб тебе не ехать лишних тридцать лиг верхом? Это, по-твоему, бесполезно?

– А что самое худшее, – как ни в чем не бывало продолжал Кольер, обращаясь к Майе, – он не умеет молчать. Днем он без устали говорит, ночью храпит и булькает. Он даже во сне говорит. Впрочем, что это я? Вы ведь шли с ним по горам, а значит, давно poznали все на собственном опыте.

Усиленное внимание полужнакомого человека было Майе не по вкусу. Он явно пытался вовлечь ее в беседу, и от этого Майе было не по себе. Впрочем, все время молчать тоже не годилось.

– Что значит «королевский кольер»? – спросила Майя, старательно выговаривая дагомейские слова.

– Конюх. Ходит с лопатой, убирает навоз, – усмехнулся Джон Тейт. – Даже в королевских конюшнях лошади не фиалками пахнут.

– Ты невыносим, – покачал головой Кольер и свел брови. Впрочем, он тут же перевел взгляд на Майю, и лицо его разгладилось. – Кольер, моя госпожа, – это начальник конюшен, в данном случае королевских.

– А где сейчас Проглот? – равнодушно поинтересовался Тейт.

– Будешь его так называть – распростишься с головой, – нервно предупредил Кольер. – Мой господин выехал с армией в поле и встал лагерем в тридцати лигах отсюда.

Прочитав в глазах Майи непонимание, Кольер пояснил:

– Проглотом Тейт называет короля Дагомее, потому что тот любит деньги, золото...

– И женщин, – вставил охотник.

Кольер жестом велел ему помолчать.

– Да, репутация у него сложилась определенная. Он звал Тейта к себе в охотники и обещал ему тысячу марок за согласие, но Тейт отказался. Сами знаете, какой он упрямый. Вобьет себе что-нибудь в голову, и не переубедишь, хоть тресни.

– Верность не купишь, – отрезал охотник, и Майя вновь ощутила к нему уважение.

Кольер махнул рукой, и через мгновение к столу подбежал слуга с огромным блюдом, на котором, как ни странно, лежало совершенно сырое мясо, перемежавшееся ломтями хлеба. Прислужник поставил блюдо на стол и убежал. Кольер заговорил снова:

– Меня прозвали королевским кольером потому, что мальчишкой я чистил стойла в королевских конюшнях. Я цеплялся за эту работу, много узнал о лошадях, научился за ними ухаживать. Сейчас я состою при короле. Я люблю разъезжать по стране, и меня часто посылают с важными поручениями. Ненавижу сидеть на одном месте. Жизнь в седле – вот что мне по вкусу.

– Ага, Проглот носится туда-сюда со своими солдатами, – добавил Джон Тейт, – а Кольер знай таскает депеши, мол, готовьтесь, король едет. Но дороги наш конюх знает не хуже моего. Что до гор... ну, тут он не гордый. Игра слов, а? – Джон хмыкнул. – И лошадь расковать-подковать может не хуже любого кузнеца... да только я все равно лучше.

– Ну конечно, ведь изо всех людей в мире ты один знаешь правильный способ! – насмешливо возвел очи горе Кольер и рассмеялся.

– И еще одно, – сказал Джон Тейт. – Его прозвали Кольером потому, что он безродный. Безродный как работает, так и называется. У старого короля Дагомеи была куча детишек, и по большей части законных. А одному вот не повезло. В какое аббатство тебя, говоришь, подбросили?

Майю неприятно поразил его тон. Насмешливая обходительность Кольера на миг дала слабину, и по лицу его скользнула тень. Голубые глаза едва заметно сузились, однако уже через миг он ухмыльнулся, словно смеясь над собой, и пожал плечами.

– В аббатство Лизье. Человек не выбирает, где ему родиться, – сказал он. – А вот как прожить жизнь – каждый решает сам. Мне моя жизнь нравится. Я занимаюсь тем, что люблю. И хоть я выбираю опасные тропы, ни один разбойник меня и пальцем не тронет – знают, что я дерусь грязно.

Лицо у него стало задумчивым, и Кольер указал на Майю.

– Если нужно будет, я и глаз могу выколоть, и руку отрубить. Впрочем, сколько можно говорить обо мне! Как ваше имя, моя госпожа? Из какой Сотни вы прибыли?

Майя не знала, что сказать, но понимала одно: свое настоящее имя она этому человеку не назовет. Низкое рождение странно сочеталось в нем с изящными манерами, он был хорош собой, однако приятностью обхождения не был обязан ни высокому положению, ни титулу.

– Вот что я тебе скажу, – снова влез в разговор Джон Тейт, – этот Кольер – записной дамский угодник, так что ничего ему не говори. Твердит о разбойниках, а сам-то кто? Говорить с ним буду я.

– Да ты только и делаешь, что говоришь.

– Ты тоже не молчишь, как я погляжу, Кольер. Ну-ка, придвинь поднос поближе, глядишь, и помолчу минутку.

– Не спеши. Сейчас подадут бульон и сыр.

– Я и сырому мясу буду рад. А, вон несут!

Появилась стайка подавальщиц с горшками, железными треножниками и маленькими масляными светильниками. Горшки установили в треножники, а светильники подсунули снизу, чтобы их пламя подогрело дно. Майя впервые видела такой странный ритуал и с любопытством рассматривала происходящее. Наконец содержимое горшков забулькало.

Тейт взял маленькую вилку, подцепил несколько ломтиков мяса, наколот их на миниатюрные вертела и окунул в бульон, а сам попросил служанку принести ему овощей. Через несколько мгновений он извлек вертела из бульона. За это время мясо успело свариться. Джон Тейт протянул Майе исходящий паром кусок на вертеле, сам взял второй и зубами снял с него угощение.

– Здесь подают самый лучший бульон и сыр, – сказал он Майе. – По рецепту из Прай-Ри. Это я их научил.

– Разумеется, ты, кто же еще, – утомленно вздохнул Кольер.

– Таверну судят не по блохам в матрасах, а по еде, – с этими словами Тейт схватил огромный ломоть хлеба и погрузил его в кипящий сыр.

– Ваш друг не желает к нам присоединиться? – понизив голос, спросил Кольер.

Тейт оглянулся через плечо и одновременно с Майей увидел кишона: тот стоял с кружкой у стойки и не спеша потягивал эль или что-то ему подобное.

– Он у нас бука. Не любит шума и веселья. К нему такому лучше не приставать. Попробуйте сыра, – предложил Джон Тейт, оторвал кусок от очередного ломтя и окунул в расплавленный сыр, коричневатого-желтого цвета, присыпанный сверху чем-то темным. Майя последовала его примеру. Горячий сыр больно обжигал язык, но от аромата получившегося угощения у нее захватило дух. Это было что-то невероятное! Правда, есть приходилось под внимательным взглядом незнакомца, который не сводил глаз с Майи.

– А ей понравилось, – ухмыльнулся Кольер. – Скажите, госпожа моя, неужели и вы так же молчаливы, как ваш спутник у стойки? Как ваше...

– Значит, Проглот увел армию за тридцать лиг, – вмешался Тейт. В глазах Кольера мелькнул гнев. – А вернуться-то вернется? То-то я смотрю, в поместье ни огонька.

Майя была благодарна Джону Тейту за то, что тот не давал Кольеру вовлечь ее в беседу. Пожалуй, она могла бы переброситься с новым знакомцем парой фраз, не выдав при этом себя, но чем меньше он будет о ней знать, тем лучше.

Кольер сжал губы и покачал головой.

– Нет. Он не вернется. Говорю же, я собирался скакать в Аргус, искать тебя. Ты говорил, что не станешь работать на Проглота даже за десять тысяч. А за двадцать пять?

– За двадцать пять марок? – скептически переспросил Тейт.

– За двадцать пять тысяч марок, – уточнил Кольер. – За такие деньги можно купить целую Сотню. Не исключено, что и титул получишь. Королевского шерифа, например.

Охотник извлек из горшочка с сыром кусок хлеба и сунул в рот. Вытер руки, отряхнул крошки с бороды.

– Чем больше он предлагает, тем меньше я ему верю. Я и пяти тысяч не стою. Обойдусь.

Кольер удовлетворенно кивнул.

– Вот и я ему так сказал.

Снова повернувшись к Майе, он заговорщически понизил голос:

– Госпожа моя, а о погоде в горах вам говорить дозволено? Или Тейт опять бросится меня отвлекать?

– В горах сейчас ветрено, – ответила Майя, чуть улыбнувшись: настойчивое внимание собеседника льстило ей, пусть и против воли. Впрочем, она по-прежнему намеревалась говорить с ним как можно меньше.

– Она умеет говорить! – рассмеявшись, захлопал в ладоши Кольер.

– Я этому типу служить не буду, – заявил Тейт, извлекая из горшка с бульоном очередной кусок мяса, и с наслаждением принялся жевать, мыча от боли в обожженном языке. – Сколько бы он ни предложил. Так и передай.

– Тейт твердо намерен жить в бедности, – сообщил Майе Кольер. – Впрочем, я уважаю его за это решение. Знаете, как говорят мастоны: честь не купишь. Честь неоценима, ибо это единственная в мире вещь, которая всегда дороже тех денег, что за нее предлагают. И всего дороже она бывает тогда, когда мы отдаем за нее все, что имеем, – он ухмыльнулся. – Я не мастон, но запомнил.

Майя кивнула, испытующе посмотрела на него, но не произнесла ни слова. На левой щеке, под глазом, у Кольера был почти незаметный маленький шрам. Глаза у королевского слуги были голубые, как само небо. Майе захотелось узнать его поближе, но она подавила в себе это чувство, ибо знала, что вскоре они снова отправятся в путь и больше она этого человека не увидит. Финт Кольер, безродный из Дагомеи. В Коморосе брошенных детей почти не бывало. Если же на пороге аббатства находили младенца, множество семей тотчас наперебой стремились объявить его своим. Майе стало жаль Кольера, но поддаваться влиянию чувств было нельзя. Одно неверное слово, и сказанное ею или Джоном Тейтом мгновенно достигнет слуха короля Дагомеи.

– Так куда Проглот собрался? – спросил Джон Тейт.

Кольер хмыкнул:

– Ты ведь отказался ему служить, а значит, и я ничего не должен тебе говорить о его намерениях. Он созывает солдат со всех Сотен и расставляет стражей на всех горных перевалах. Пути в горах перекрыты. Всякий, кто явится из другого королевства, будет задержан и допрошен. Так-то, друг мой, знаток всего на свете. Не ходи в горы, Тейт. Сиди в долине.

Джон Тейт недовольно скривился.

– А на жизнь я чем буду зарабатывать? Я же проводник!

Ответом ему была лукавая улыбка.

– Я предложил тебе стать шерифом, Тейт. Боюсь, очень скоро ты пожалеешь о своем отказе. Порой честь достается нам дорогой ценой. Ешь вволю, я заплачу хозяину сам. Деньги у тебя теперь не скоро появятся.

Взгляд его посерьезнел.

– Если передумаешь, дай мне знать. Я буду в королевских лагерях. Пароль – «Коморос». Ты сэкономил мне два дня в седле, и я тебе благодарен. Как поживает деревня – тезка твоего пса? Дрожит на ветру? – он с преувеличенным вниманием повернулся к Майе.

– Чего? – переспросил Джон Тейт, мрачняя с каждым его словом.

– Деревня, говорю. Как дела в Аргусе? Сколько там сейчас людей?

Майя сжалась. Перед глазами у нее проплыли события той ночи: молнии, дохту-мондарцы, судьба, ожидавшая сельчан. Теплый сыр во рту стал горьким на вкус.

– Как всегда, – сердито рыкнул охотник.

– Мне показалось, что с гор тянуло дымом. Там был пожар?

Сердце Майи стиснул страх. Уж не играет ли с ними Кольер? Королевский слуга был человек проникательный. Он позвал их к столу не сразу – сначала присмотрелся, понаблюдал за ними. Он заметил, что кишон не желает принимать участие в беседе. Что если Кольер – тоже охотник?

– А, это. Молния ночью ударила. Буря была страшная.

– Вероятно, она пришла с проклятых земель, – заметил Кольер. – Оттуда все время лезет всякая пакость. И дохту-мондарцы в последнее время что-то ищут. Ты не в курсе, что именно?

Джон Тейт пожал плечами.

– На этих я тоже не работаю, – твердо сказал он. – От них каждый год кто-нибудь заявляется в Аргус, а потом уходит в горы. Ни один еще не вернулся.

Кольер нахмурился и подхватил с подноса горбушку.

– Я не доверяю дохту-мондарцам, – просто сказал он, стараясь говорить тише. – Возможно, король Браннон был прав, когда изгнал их из Комороса.

Майя принялась старательно жевать мясо, молясь, чтобы лицо не выдало ее. Она знала, что Кольер наблюдает за ней очень внимательно. Взяв кусок хлеба, она окунула его в душистый сыр, хотя голода больше не чувствовала.

– Ну, – легко сказал Кольер, вставая, – пусть у них тут и лучшая еда во всем Рок-Адаморе, про комнаты того же самого сказать не могу. Если вас тут не устроят, приходите в таверну Вексина, это выше по горе. Я сегодня ночью там.

– Что, в особняк уже не пускают? – поинтересовался Джон Тейт. – Стойла там ого-го, ты мне показывал.

– В особняк пускают лишь тогда, когда приезжает король. Даже мы, его смиренные слуги, живем ниже. Приятно было повидаться, Тейт.

– Бывай, Кольер. А вот Проглота твоего я теперь еще больше не люблю. Оставил меня без работы, мерзавец.

– Ты, Тейт, как кошка – всегда падаешь на ноги. С кошельком своим разбирайся сам, а от меня прими совет: не ходи в горы. Если попадешься, я вряд ли смогу тебя выгашить.

Кольер снова поглядел на Майю, и выражение его лица смягчилось.

– Приятно было познакомиться, моя госпожа. Жаль только, что вы так и не назвали своего имени.

– Благодарю вас за гостеприимство, – вежливо кивнула Майя, но ее имя так и осталось произнесенным.

Я уже предупреждала тебя о том, что нессийцы коварны, и вот теперь хочу поделиться с тобой видениями из будущего, которые меня посещали.

Сначала слышится тихий шепот Истока. Страна нессийцев – это край черных озер, скованных льдом и укрытых тенями. Нессийцы не созидают, ибо по природе они завоеватели. Явившись на наши земли, они не умели строить из камня замки и аббатства. Они не знали ни икива, ни рычага. Поначалу они селились на побережье, затем – в городах. Когда вернулись первые мастоны, нессийцы созвали совет мудрейших дохту-мондарцев. В твои времена, о правнучка, дохту-мондарцы станут советниками владык. Вера их отлична от веры мастонов. Некоторые из них всеми правдами и неправдами добиваются постов и званий, облеченных великой ответственностью. Начало же этому положил тот самый совет.

Некоторые дохту-мондарцы выступали за войну с мастонами. Иные убеждали собратьев бросить все завоеванное и отступить на север. Но верх в споре взял мудрейший и хитрейший из всех дохту-мондарцев. Имя его было Виктус, что означает «Верный». По его совету мастонов приветствовали как истинных правителей этих земель. Во главе каждого королевства было поставлено старинное Семейство, в руки которого перешла власть. Дохту-мондарцы желали учиться у нас, овладеть нашими знаниями, научиться читать и гравировать, строить здания, вырезать яр-камни. Они будут смотреть на нас и учиться. Когда же будет возведено первое аббатство и дохту-мондарцы овладеют знанием, которого так жаждали, они восстанут и уничтожат нас. Но не своими руками. Они обратят Семейства друг против друга, а сами лишь будут дергать за ниточки.
Лийя Демонт, Альдермастон аббатства Муирвуд

Глава восьмая

Бегство

Тихий стук в дверь нарушил раздумья Майи. Сидя у открытого стрельчатого окна таверны, девушка глядела в ночное небо и любовалась дрожащими огнями городских светильников и факелов. Таверна была окружена деревьями, стоящими так близко, что ветки их почти касались стен. Майя сидела, опершись локтем о подоконник и подперев ладонью подбородок, и думала.

Стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Только тут Майя обнаружила, что поглаживает висящий поверх платья кистрель. Девушка быстро сунула амулет под одежду и поправила платье так, чтобы не видно было ползущих к горлу темных завитков на коже. Винного цвета платье, полученное от Джона Тейта, было теплым и удобным. Истрепанный наряд служанки Майя сняла и выстирала в тепловатой воде, предварительно искупавшись в ней сама. Волосы до сих пор еще не просохли, но так приятно было ощутить себя чистой.

Она встала, подошла к двери и подняла засов. Кишон на мгновение уставился на нее, приподняв бровь и словно не узнавая. Следом вошел Джон Тейт, а за ним – Аргус. Могучий пес шумно обнюхал Майю; она опустила на одно колено и потрепала собаку по голове.

Джон Тейт закрыл дверь и надежно приладил засов. Для такой компании комната была слишком мала, однако охотник сказал, что они с Аргусом переночуют в общей спальне. А кишон будет охранять сон Майи.

– Вас и не узнать, клянусь Чишу, – заявил Джон Тейт и почесал шею. – Я вам тут принес мазь от синяков и царапин. Берите, полегчает.

– Спасибо, – ответила Майя, подошла к окну, заперла его и оперлась на подоконник. – И спасибо за ванну. Давно об этом мечтала.

Джон бросил взгляд на край ванны, где висело мокрое платье.

– А, постирушку устроили. На ночь повесьте над жаровней, чтоб просохло. В горах лишняя одежда не помешает. Чем больше на себя наденешь, тем лучше. Я встану пораньше, соберу все, что нужно для перехода, и отправимся. До королевской армии лиг тридцать, но лучше б ей быть еще подальше.

– А насчет сказанного Кольером есть идеи? – спросила Майя, обращаясь к Тейту, но захватила взглядом и кишона, поскольку хотела услышать и его мнение.

– Да я не знаю, бояться мне или уже поздно, – ответил охотник, фыркнул и пожал плечами. – Горы-то вон какие большие, госпожа моя. Да и троп в них хватает, королю все не упомнить. Правда, на иные соваться без нужды не след. Я уж вашему другу говорил...

– Он знает тропу в Мон, которую не стерегут, – перебил кишон. – Но там водятся серые твари.

– Госпожа моя, серые твари – это похуже, чем медведь. В Прай-Ри их называют страхогорищами. Они жрут и разум, и плоть. Чтобы не поймали, выходить придется на рассвете и идти весь день. А вот если в сумерки нагонят по ту сторону, тогда плохо дело. Эти твари быстрые.

– Мы знаем, – сказала Майя, и сердце у нее дрогнуло от одного воспоминания.

Джон Тейт уставился на нее с открытым ртом.

– Мы с такими уже встречались, – сказала Майя. – Но другого пути мимо караулов у нас нет. Пойдем мимо тварей.

– Леди Майя, – Джон Тейт сделал шаг вперед и уставился на нее серьезным взглядом. – Я повидал все зверье и тварье, что только есть в лесу. Я не испугаюсь ни бури, ни тени, ни медведя-шатуна. Но страхогорищ я боюсь и вас от них защитить не смогу. И он не сможет.

– Значит, как ты и сказал, выйдем на рассвете и пройдем перевал до сумерек.

– Это будет нелегко, моя госпожа.

– Ничего, я привыкла. Значит, решено. Главное – обойти дагомейскую армию.

На губах Джона Тейта заиграла широкая улыбка.

– Ясное дело. Только я всегда рассчитываю на самое худшее. Хуже всего страхогорища, понятно, но там и прочего хватает. В наших горах буря налетает в один миг. Солнышко греет, тепло, глазом моргнуть не успеешь – из-за перевала туча выскакивает, снег валит. Ветер еще, сильный. На этой тропе никогда не знаешь, чего ждать. И если мы будем мешкать...

– Придется рискнуть, – решительно нахмурившись, отрезала Майя, убрала за ухо влажную прядь и сложила руки на груди.

Джон Тейт задумчиво нахмурился:

– Если ночь застанет нас в горах, эти твари подкрадутся и растерзают нас. Есть ведь и другие тропы, где мало кто ходит, – пойдем по ним. Правда, придется прорубаться сквозь стражу, но уж лучше стража, чем страхогорища.

Майя бросила взгляд на кишона. Тот смотрел мрачно, но в ответ кивнул. Станным образом Майя поняла, о чем он думает.

– Страхогорища нам не страшны, – сказала Майя. – Я их прогоню.

Джон Тейт вздохнул.

– Лишний риск, как по мне. Ну да я всего только проводник. Воля ваша.

– Спасибо. Возможно, нам и вовсе не придется прибегать к магии. Пройдем перевал при свете дня, и все. Утром выступаем.

– Понял. Идем, Аргус, – Джон хлопнул себя по бедру, и пес, лежавший у ног Майи, поднялся и потрусил вслед за хозяином.

Они вышли. Какое-то время Майя прислушивалась к тяжелой поступи охотника – вот он идет по коридору, вот его башмаки застучали по ступеням. Когда звук его шагов перестал быть слышен, она сложила руки на груди и устремила взгляд на кишона.

– Не трожь его, даже когда все будет позади, – сказала Майя.

Мимолетная улыбка прорезала лицо убийцы.

– Я так и знал, что вы это скажете, – проворчал он и покачал головой. – Вы слишком легко верите людям.

Майя прямо посмотрела ему в глаза.

– Ничего подобного. Я не верю, что ты меня слушаешь, если только не дашь клятву. Поклянись, что не тронешь Джона Тейта.

– Не поклянусь, – отрезал кишон, гневно сверкнув глазами. – А начну с пса. Он опасней хозяина.

Майя заскрежетала зубами.

– Он же нам помог!

– Я с этим не спорю. Но он знает, кто вы такая. Он знает гораздо больше, чем говорит.

– Не трожь его, кишон, – предостерегла Майя.

Кишон сделал шаг вперед. Лицо его затвердело.

– Я сделаю то, что будет лучше для вас, моя госпожа. Что бы вы там себе ни думали. – Он холодно сузил глаза. – Раз уж речь зашла об угрозах и предупреждениях, я тоже кое-что вам скажу. Не говорите ему обо мне. Он сам выбрал свою судьбу. Как и я, когда согласился сопровождать вас. А теперь спите, покуда есть кровать. Завтра спать придется на голой земле.

Майю разрывало на части от гнева, но она решила не спорить. Она и без того знала, что кишон не бросит службу, как ни уговаривай. Его нанял отец, и Майя подозревала, что по

доброй воле убийца ее не оставит. А значит, надо как-то помочь Джону Тейту избежать его кинжала. Майя упрямо мотнула головой и легла в постель. Кровать была под стать комнате, короткая и узкая, но Майя не спала по-человечески уже две недели, с того самого дня, как судно отплыло от Комороса. Настоящая кровать – какая роскошь! Девушка отвернулась от кишона и стала смотреть, как за окном пляшут на ветру ветви деревьев. Она думала о своем народе, который был уничтожен невидимой силой – Бесчисленными. Король Дагомеи заглатывал страны послабее и явно готовился напасть на страну Майиного отца. Защитник Майи готов убить всякого, кто хоть чем-то мог ей помочь. В довершение всего за ней охотились дохту-мондарцы.

Сон все не шел. В голове вертелись тысячи вещей, над которыми у нее не было власти. Разум кипел. Чтобы успокоиться, Майя стала вспоминать слова из книги, которую показывал ей канцлер Валравен.

«Ибо никто не может обмануть человека вернее, чем он сам. Отчего во снах наш глаз видит лучше, нежели воображение наяву? Как царство разделенное не устоит, так и разум, разрываемый многими науками, приходит в замешательство и иссушается. Как день, проведенный в трудах праведных, несет с собой крепкий сон, так и жизнь, проведенная в трудах праведных, несет счастливую смерть».

От последних слов по спине пробежал холодок. Майя вспомнила, как они с кишоном высадились на проклятые берега. «Здесь вы останетесь навеки. Здесь родилась сама смерть».

Почему в этой темной комнате ей показалось, что она посмотрела смерти в лицо? Почему чудилось, что смерть идет за ней по пятам? Они все умрут, внезапно поняла Майя. Даже кишон. Умрут из-за нее.

В памяти всплыли последние слова из книги Валравена. Слова, которые не давали ей покоя с того самого дня, как она прочла их, ибо то было последнее, что написал ее друг перед смертью. Она видела его словно наяву: вот он сидит в башне, на ногах – деревянные башмаки, волосы взъерошены, в глазах усталость и печаль.

«Я полагал, что учусь жить, однако, как выяснилось, на самом деле я учился умирать».

* * *

В окно стукнул камушек. Майя проснулась.

В комнате было темно, но небо уже начало розоветь. Кишон вскочил на звук.

– Окно, – сказал он. – Лежите тихо.

Беззвучно, как кошка, он скользнул прочь от двери, где провел ночь, и бесшумно выглянул из-за края рамы.

В стекло ударил второй камушек.

– Кто там? – спросила Майя. – Видно?

Не выходя из тени, кишон протянул руку и открыл окно. В раскрытую створку ворвалась торжествующая птичья песнь, громкая и прихотливая, наполнявшая собой утреннее небо.

В окне появилась неясная фигура, и в следующий миг с подоконника прыгнул Финт Кольер. Восстановив равновесие, он вскинул обе руки, показывая, что безоружен.

– Я знаю, что вы у меня за спиной, сударь, – сказал он, – и знаю, что вы готовы вонзить нож мне в спину. Клянусь, что я влез в окно не затем, чтоб соблазнить эту женщину, а единственно из желания предупредить вас, что сюда идут дохту-мондарцы. Они придут очень скоро, – Финт приобернулся и бросил взгляд на кишона. – Ну, мир? Я пришел помочь, не надо меня резать.

Майя поспешно вскочила с кровати.

– Благодарю вас за предупреждение. Мы уходим.

– Советую вам не спускаться на первый этаж. Таверна будет окружена, и хоть этому Корриво давно пора укоротить нос, у него с собой по меньшей мере полсотни человек и подробное описание вас обоих. Он настроен решительно. Я бы советовал вам уходить по крышам.

– Почему ты решил помочь? – отрывисто спросил кишон.

– У меня могли быть на то причины.

Внизу в коридоре зазвучали шаги.

– А как же Джон Тейт? – спросила Майя. – Надо его предупредить.

– Я уже предупредил, моя госпожа. Он как раз шел покупать припасы. Мы найдем его в условленном месте. Вы идете?

Финт протянул ей руку. На лице его играла озорная улыбка, и сердце Майи тревожно забилося. Отвернувшись от протянутой руки, она торопливо затолкала в заплечный мешок истрепанное платье и сгребла со стоящего неподалеку подноса виноградную гроздь. Она чувствовала, что отдых придал ей сил, но опять – в тысячный раз – была испугана.

Она кивнула в знак готовности. Кольер встал на подоконник и вылез на островерхую крышу. Майя высунула голову и посмотрела в утреннее небо. Солнце быстро поднималось над горизонтом, разгоняя ночные тени. По улице шли люди с факелами. Они были повсюду.

Сверху протянулась рука. Кольер схватил Майю за запястье и потянул вверх. Следом бесшумно вылез кишон. Троица стала карабкаться вверх по черепице.

– Только тихо, – прижав палец ко рту, прошептал Кольер. Острый конек крыши уходил вверх под немислимым углом, но Финт ловко вскарабкался на него, протянул руку Майе и втащил ее за собой. Его ладонь была теплой. Он улыбнулся.

Майя не стала улыбаться в ответ. Ее тошнило от страха. Дохту-мондарцы гнали их с места на место, как охотник гонит добычу. Они не знали жалости.

– Здешние черепицы сделаны из камня, – шепотом сообщил Кольер, – потому что когда в горах камнепад, в городе случается дождь из камней. Приходится обходиться тем, что под рукой. Сюда. Видите, там, впереди, край крыши смыкается со скальной стенкой? Будем пробираться на второй ярус, а потом на самый верх, к усадьбе. Там нас будет ждать Тейт.

Майя непонимающе уставилась на собеседника:

– Разве усадьба до сих пор пустует?

– Разумеется, и там совершенно безопасно. Но лошади на конюшнях остались. Трое оседланы и стоят наготове.

Майя удивилась:

– Правда?

– Правда. От усадьбы идет тропа в горы, но дохту-мондарцы ее не стерегут. Это дурачье и города-то толком не знает. Спихватятся, да поздно будет.

Они добрались до края крыши. Майя запрокинула голову, разглядывая уходящий вверх утес.

– Как же мы по нему залезем? – спросила она.

Финт присел на корточки.

– Увидите, когда рассветет. В темноте без фонаря мы не полезем, а с фонарем нас тотчас же заметят. Терпение.

Сзади подошел кишон. Майя почувствовала, что ему очень хочется столкнуть Кольера с крыши, на верную гибель. Содрогнувшись, девушка пододвинулась поближе к проводнику, чтобы загородить его собой от кишона.

Открытая солнцу сторона утеса наливалась пурпуром в утренних лучах солнца, напоминающая о сливах и бархате. В домишках начали зажигаться огни, над крышами поплыли первые ленивые нити дыма.

– Еще чуть-чуть, – сказал Кольер, сам не свой от возбуждения, и указал куда-то рукой:

– Теперь видите?

Глаза Майи еще не привыкли к утреннему свету, и все же она увидела торчащий над крышей неприметный каменный выступ. Выступы шли один за другим и складывались в импровизированную лестницу.

– Следующий ярус совсем близко. С веревкой было бы проще, но мы и без нее справимся. Ступеньки достаточно широки. Просто следуйте за мной, и мы поднимемся очень быстро, еще прежде, чем нас станет хорошо видно. Я пойду первым и буду показывать путь. Вперед!

Он встал, потер ладони, прижался грудью к стене и поставил ногу на первый выступ. Потом он позвал Майю. Под громкий грохот сердца, твердя себе, что она бывала в передрыгах и пострашнее, девушка полезла следом. Кишон оглянулся по сторонам и тоже стал подниматься.

Раскинув руки, цепляясь за камни, она сделала шаг вверх и вбок. Кольер указал на цепочку уходящих вверх выступов. Майя осторожно поднялась еще на шаг, потом еще. Один раз нога у нее соскользнула, и девушку окатило ужасом, но Кольер тотчас же положил руку ей на спину и прижал к стене, успокаивая.

– Тише, тише, – шепотом сказал он.

Над головами у них возник длинный выступ; Кольер вогнал башмак во впадину и вскарабкался на каменный нос. Наклонившись, он втащил за собой Майю, а затем поволол ее сквозь ветви растущих из камня растений. Путь был окончен; они достигли второго городского яруса. Майя тяжело дышала, радуясь передышке; мгновение спустя из кустов вышел кишон и огляделся внимательно и настороженно.

– За мной, – уверенно бросил Кольер.

Они пошли по главной дороге, которая вислась между темных домов. Стук башмаков смешивался с пением птиц, и Майя почувствовала, как владевший ею страх отступает.

– Благодарю вас за помощь, мастер Кольер, – сказала Майя, держась наравне с широко шагающим Финтом. Высокий, сильный, он чем-то неумовимо напоминал крепкого боевого коня.

– Не стоит благодарности. Вы познакомились с тайным путем к усадьбе. Видите вон то высокое здание? Это таверна, где я провел прошлую ночь. Корриво явился среди ночи в компании солдат, и по городу тотчас же поползли слухи. Мне рассказал слуга. Я хорошо заплатил ему за информацию. Раз уж идет охота на дезертиров, я просто обязан доложить об этом королю. Кстати, а вам дезертиры не попадались?

Он искоса посмотрел на Майю. Было ясно, что он знает, какие такие «дезертиры» нужны Корриво, но помогать ему не собирается.

Майя не смогла сдержать улыбку. Впрочем, она помнила, что Финту доверять нельзя. Король Дагомеи, дохту-мондарцы, и она между ними, как между молотом и наковальней... Ясно было одно: какие бы причины ни сподвигли Кольера помочь ей, галантность в их число не входила.

Над горизонтом показалось солнце. На смену фиолетовым теням пришел оранжевый утренний свет. Воздух был чист и свеж, мышцы от ходьбы разогрелись и окрепли. Майя заправила за ухо волосы и запрокинула голову, разглядывая раскинувшуюся на вершине горы усадьбу.

– Кто-то идет. Прячемся между домами, быстро, – голос Кольера был тих и тревожен.

Они торопливо нырнули в щель между домами и снова оказались на краю утеса, который в этом месте уходил вниз еще круче. Попетляв по извилистым переулкам, они вышли к густой роще, которую прорезала цепочка узких каменных ступеней, убежавших вверх и терявшихся среди расселин и валунов.

– Этот путь ведет в конюшни. Придется попотеть, зато доберемся быстро.

Кишон подозрительно прищурился.

– Да-да, я понимаю, вы мне не доверяете, – ответил ему таким же взглядом Кольер. – Но учтите: помогая вам, я очень рискую. Думаете, я не понимаю? Вам достаточно рассказать

кому-нибудь, что вам помог королевский кольер, и мне придется плохо. Только, по-моему, у нас у всех есть причина держать свое при себе, не так ли, моя госпожа?

Майя кивнула.

– Вот и славно. Полезли.

Очень скоро ноги у Майи заныли и застонали. Неровные каменные ступени были слишком высоки, но длинноногий Кольер преодолевал подъем без видимого труда. Майя поднималась следом, кривясь от усилия, но свежий утренний воздух сделал свое дело, и вскоре они уже были на вершине. Роща ниже по склону надежно укрывала путников от стороннего взгляда.

Усадьба занимала всю вершину горы. Массивное трехэтажное строение было покрыто пологой крышей, по краю которой шел парапет. Крыша венчалась куполом с железным шпилем. Посреди небольшого состоящего из террас садика, окруженного аккуратно подстриженной живой изгородью, рос огромный дуб. Кое-где утес был дополнен полукруглыми рукотворными выступами, предназначенными для того, чтобы хоть немного увеличить пространство. Над путниками пролетела, курлыча, пара горлиц.

Ни дымка из трубы. Ни единого признака жизни.

– Конюшни расположены за господским домом, – сказал Кольер и повел их вдоль высокой ограды к каменным строениям, откуда доносилось ржание лошадей. Пока что Финт ни разу не обманул своих спутников.

– Сюда.

Они достигли высоких деревянных дверей, и Майя сжалась, ожидая предательства. Зачем королевский кольер помогает им сбежать от дохту-мондарцев? Что заставило его предать и обмануть своего короля? Оглянувшись на кишона, Майя поймала недоверчивый взгляд, точь-в-точь повторявший ее собственный. Возможно, придется использовать кистрель.

Кольер потянул за кольцо и открыл дверь. В конюшне стояли четыре оседланных скакуна с притороченными к седлам сумками – провизией в дорогу. Не останавливаясь, не глядя на Майю и кишона, Финт решительно шагнул вперед, разгоняя пыль и солому, подошел к прекрасному соловому жеребцу и ласково потрепал коня по гриве. Затем он перешел к остальной троице, заговорил успокаивающим тоном, похлопал лошадей по бокам. Видно было, что он умеет обращаться с животными.

– Вот этого вороного угрюмца зовут Мститель. Он твой, мой мрачноликий друг, – сказал Финт, поворачиваясь к кишону. – Эта гнедая – для вас, моя госпожа. Ее зовут Присли. Она у нас быстрая, поэтому не отпускайте поводьев, если только не возникнет такой нужды.

Финт погладил Присли по морде, ласково похлопал по боку.

– Она любому фору даст. Кто знает, от кого нам придется уходить?

Он перешел к лошади поменьше размером, к пони.

– Ручеек предназначается Тейту. Коротышка, но крепенький, под стать нашему охотнику. Будь конь повыше, Тейту пришлось бы подставлять ведро, чтоб на него влезть. Ручеек не так скор, как эти двое, зато вынослив. Думаю, эти лошади вам подойдут.

Кольер шагнул к своему соловому жеребцу и легко, умело вскочил в седло. На бедре у кольера висел меч.

– Я вернусь через город. Сделаю вид, что еду в Аргус – все знают, что я туда собирался. Выезжайте на дорогу за стойлами. Она идет на восток, подальше от Корриво и дохту-мондарцев, и заканчивается в городишке под названием Бриек. Лошадей можете оставить на постоялом дворе у хозяина Клема Прайка. Его постоялый двор самый большой, не ошибетесь. Я вернусь через два дня, заберу лошадей и верну их на место. Никто ничего не узнает.

Сидя в седле он наклонился и посмотрел Майе в глаза с выражением, которого она не могла прочесть.

– Ну, пора расставаться.

– Чем мне отплатить вам за помощь? – спросила Майя, все еще ошеломленная тем, что все вышло именно так, как он говорил. В конюшне царили чистота и порядок, упряжь и сбруя висели на вбитых в стенку кольшках. За спиной у путников стояли бочонки с провизией. За этим местом явно хорошо ухаживали.

– Назовите мне свое имя, – попросил Финт.

Майя уставилась на него. Он был красив и загадочен. Безродный, он сумел выбиться в люди. Ей очень хотелось знать, как это вышло. Она-то полагала, что быть изгнанницей все равно что быть безродной, однако она знала свое Семейство. Много лет она твердила себе, что никто не захочет соединить свою судьбу с принцессой, которую изгнал сам король. Отец дал ясно понять: замуж она не пойдет никогда.

Майя отрицательно покачала головой. Она не могла верить ни ему, ни себе.

– Что ж, – сказал Финт, глядя на нее пронзительными голубыми глазами, и широко улыбнулся, – однажды вы все-таки доверитесь мне, моя госпожа.

Глава девятая

Духов день

– Майя, огонь гаснет. Подбрось дров.

Голос леди Деорвин застиг Майю на пути к шкафу, в котором хранились фарфоровые чашки. Майя быстро достала чашку и бросилась к камину – оживить угасающий огонь.

Она опустила на колени у огня, и боль в животе усилилась, почти нестерпимая. С трудом удерживая стон, Майя закрыла глаза и обхватила живот руками. На лбу у нее выступили капли пота. Она глубоко задышала, ожидая, пока минует боль, и стараясь не производить при этом ни звука, дабы не привлечь к себе внимания.

– Ах, Майя, какая ты ленивая! Я велела тебе подбросить дров, а ты что же? Сидишь и смотришь в огонь! Уж не упрямство ли это? Или ты полагаешь, что я позову слугу?

Милая моя, нельзя же быть такой лентяйкой!

Сжав зубы, Майя потянулась за висевшей на кольшке у камина кочергой. Разбила потухшие шелковисто-серые угли, помешала их, разбудила последние красные искры. Из глубины камина, с дальней стены, пристально смотрел закопченный яр-камень. Он был невелик размером, но улыбался как-то особенно злобно, словно радуясь ее боли. Яр-камень был коварен.

Майя подсунула взятое из дровницы полено поближе к угольям и заглянула яр-камню в глаза. Нагнувшись, она принялась раздувать угли. Поднялось облачко золы. Под шипенье и потрескивание над поленом закурился дымок. Майя разжигала огонь, но в душе у нее тлела неприязнь к леди Деорвин, неприязнь столь сильная, что Майя осмеливалась именовать ее ненавистью. Эта женщина заняла в отцовском сердце место, принадлежавшее матери, и вытеснила оттуда всех остальных. Своих дочерей она ласкала и баловала, почитая принцессами, с Майей же обращалась все хуже.

Глаза яр-камня налились светом.

Майя в изумлении уставилась в камин. Ответом ей был колючий взгляд двух раскаленных красных точек. Яр-камень отзывался на настроение Майи, и, хоть девушка давно научилась скрывать свои чувства, ей было ясно: яр-камень каким-то образом уловил пробудившийся в ней гнев и сам помог ему расцвести.

Искаженный гневной улыбкой рот яр-камня был совсем близко. Майя отшатнулась.

«Гори».

Мысль эта вспыхнула мгновенно – да и была ли то ее мысль? В камине взревело, из зева рванулись раскаленные добела языки пламени. Майя попятилась, но страх в ее душе мешался с восторгом. Камин до краев заполнился пламенем.

– Ах, Майя, что ты натворила? Я велела тебе подбросить дров, а не сжечь весь замок! Зачем было класть столько дров?

Голос леди Деорвин был наполнен гневом. Завороженная могучей пляской огня, Майя стояла, глядя на творение своего разума. Этот огонь возник по ее воле. Яр-камень покорился ей, и воззвать к нему оказалось не сложнее, чем сдуть с ладони перышко.

Майя потеряла руки. Грубая шерсть колола кожу, но девушка этого не чувствовала. Платье она носила не то чтобы крестьянское, однако оно не имело ничего общего с привычными ей некогда нарядами. Если ты служанка, знай свое место. Наряды – для хозяев.

Словно в ответ на ее мысли дверь распахнулась и в комнату вбежали дочери леди Деорвин – Мюрэ и Иолесия, вечный живой укор для Майи. Платье Мюрэ, разумеется, превосходило красотой платье сестры: прорезные рукава и кружевные вставки подложены изнутри тканями самых изысканных цветов, изящный покрой, водопад драгоценных ожерелий на груди... Светлые, как у матери, кудрявые волосы были убраны шпильками с самоцветами. Очаровательная улыбка Мюрэ была исполнена лукавства, бритвенно-острый язычок же мог жалить в самое сердце. У ее сестры Иолесии волосы были светлые, но прямые; Иолесия во всем стремилась подражать сестре, однако не преуспела в этом и оттого постоянно была исполнена зависти и злобы.

– Мама, – самодовольно объявила Мюрэ, – прибыл граф Форши! Я так рада, что наш новый папенька решил провести Духов день в Биллербеке. А граф Форши! Ты ведь знаешь, у него сыновья, и такие красавчики!

Буйство огня в камине утихло. Леди Деорвин опустилась в мягкое кресло и взяла в руки пальца.

– Пусть красавчики, но наше Семейство они недолюбливают. Они тебе не пара, доченька. Мюрэ подбежала к матери.

– А если кто-нибудь из них в меня влюбится? И их Семейство станет к нам расположено?

– У графа целых пять сыновей, – добавила Иолесия. – И Мюрэ хватит, и мне.

Леди Деорвин поцокала языком:

– Пустые мечты. Семейство Форши хранит верность врагу вашего папеньки.

Майя прикусила язык. Врагом леди Деорвин называла мать Майи. Отойдя от камина, в котором снова пылал огонь, девушка принялась разливать по фарфоровым чашечкам яблочный сидр – любимый напиток дочерей леди Деорвин.

– А по-моему, с Форши не стыдно и в свете показаться, – мечтательно протянула Мюрэ. – Ах, матушка, какие же они все-таки красивые! Но ведь ты уже нашла для меня жениха, правда?

– А для меня? – тут же заныла Иолесия.

Леди Деорвин невозмутимо работала иглой.

– Ну матушка! – воззвала Мюрэ после затянувшейся паузы. В голосе ее звучало нетерпение.

– Дитя мое, стоит ли думать о каком-то графе, если за границей есть более достойные Семейства королевских кровей?

Она говорила почти шуточно, однако владевшее ею честолюбие звучало в ее словах так же отчетливо, как эхо в колодце.

– У короля Дагомеи два законных сына, Мюрэ. Старший из них примерно твоих лет.

Наступила тишина. Онемев от потрясения, Мюрэ уставилась на мать.

– Чтобы я была... королевой... Дагомеи? Королевой проклятого королевства?

Майю кольнуло завистью: это ведь ее когда-то прочили в жены наследнику Дагомеи. О проклятом королевстве она всегда думала с толикой любопытства, и, повернись судьба иначе, однажды эти земли стали бы принадлежать ей. Но Майя подавила в себе недостойное чувство.

– Я бы ни за что за него не вышла, – сказала Иолесия. – В Дагомее, наверное, так страшно жить! У них даже яр-камни прокляты.

– И обычаи такие странные, да, матушка? – подхватила Мюрэ. – Ты ведь жила там и всегда над ними смеялась. А правящее Семейство... – в голосе ее промелькнуло отвращение. – Все ведь знают, что их кровь... Лично я считаю, что любой из сыновей графа Форши – гораздо более приятная партия. Видишь, я уже и волосы завилы к Духову дню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.